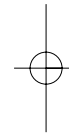
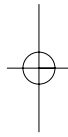

**Материалы научной конференции
«Современное юридическое образование»**

Книга подготовлена и издана Независимым экспертно-правовым советом при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров.

Материалы научной конференции **«Современное юридическое образование»**

Материалы научной конференции «Современное юридическое образование». Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина. Москва, 17 октября 2006 г.

*Российский государственный
университет нефти и газа им. И.М. Губкина
Москва, 17 октября 2006 г.*

М.: Независимый экспертно-правовой совет, 2008. — 80 с.

В книге публикуются выступления участников научной конференции «Современное юридическое образование», проведенной Независимым экспертно-правовым советом совместно с Российским государственным университетом нефти и газа им. И.М. Губкина 17 октября 2006 г.

В конференции приняли участие профессора, преподаватели, аспиранты и студенты московских вузов: Института политики, экономики и права, Московской государственной юридической академии, Правового университета при Институте государства и права РАН, Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, Московского университета МВД России, Всероссийской академии внешней торговли, Московского государственного института международных отношений, Российского государственного гуманитарного университета, Российской правовой академии МЮ РФ, а также представители Адвокатской палаты города Москвы и Московской коллегии адвокатов «Адвокатская палата».

Книга адресована преподавателям, аспирантам и студентам юридических факультетов вузов, правозащитникам и всем, кого интересуют вопросы совершенствования юридического образования в России.

Содержание

Стенограмма выступлений

Доклад Пашина С.А. Юридическое образование и правовая компетентность	6
Выступление Воскобитовой Л.А.	25
Выступление Резника Г.М.	32
Выступление Костанова Ю.А.	36
Выступление Вицина С.Е.	43
Выступление Челноковой Т.Е.	50
Выступление Зименковой О.Н.	52
Заключительное слово Пашина С.А.	55

Письменные доклады

Фомин Н.С. Социально-педагогический аспект проблем современного правового образования	57
Архипов И.Ю. Профессиональная подготовка кадров для колоний-поселений	62
Карпухин Ю.Г. Правовое образование: армия, правоохранительные органы, религиозные движения и безопасность России	77
Перминов О.Г. Криминологические и иные аспекты подготовки юристов для нефтегазовой отрасли	80

Стенограмма конференции

Пашин С.А.*

Юридическое образование и правовая компетентность

Если говорить о проблемах юридического образования, наверное, надо спросить себя: «А кого готовят юридические вузы?» Иногда мне кажется, что готовят они экстрасенсов и чудотворцев.

В руках у меня на бланке Самарского областного суда ответ судьи заключенному, который написал кассационную жалобу. Судья отвечает ему: «Возвращаю кассационную жалобу, так как в ней указаны не все доводы, которые вы желаете указать». И больше ничего.

Но шутки в сторону. Я преподаю 19 лет в системе высшего юридического образования. Из них 7 лет я преподавал в системе повышения квалификации, сперва судьям, а потом высокопоставленным прокурорам. Три последних года в качестве члена квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы принимаю экзамены у претендентов на статус адвоката. И за это время у меня накопились всякого рода наблюдения, которыми я не прочь с вами поделиться.

Сразу же скажу, что никогда в системе высшего образования я не был начальником, вероятно, я бакалавра не отличу от магистра. Конечно, существуют многие важные вопросы, которыми в поте лица занимаются вузовские начальники, которые затрагивают и волнуют студентов: например, превращение институтов в академии, академий — в университеты; отсрочка от призыва, — да мало ли что еще. «Орешек знаний тверд, но все же мы не призываем отступать...» Так вот, сплошь и рядом мы занимаемся в этом орешке скорлупой: скорлупки-то золотые. А почему бы для разнообразия не заняться ядрами этого орешка: а что внутри?

Очень больно мне было читать некоторые письма по поводу программы «Федеральный судья»; их показывали нам телевизионные администраторы. Передачу обсуждали студенты, о ней осанисто высказывались практические работники. Вот барышня пишет: «Я студентка юридического факультета, мой папа

известный юрист, я посмотрела программу “Федеральный судья”. Ну, ужас: у пристава форма не та, и подсудимый сидит не в клетке». Тут я спросил себя: «А чему же их учат-то, этих студентов, если им кажется, что в силу презумпции невиновности невиновный человек должен быть обязательно помещен в клетку, в этот позор нашего правосудия?»

Чтобы понять, чему наставники научили студентов и чему их учат теперь, надо посмотреть, каким образом пройденные курсы наук отражаются в практической деятельности следователей, прокуроров, судей, то есть недавних студентов. Даже не чудотворцев, а просто обыкновенных следователей, прокуроров и судей.

Понятно, что надо отделить то, чему учат в вузах, от того, что передают свежее испеченным юристам в ходе судебно-следственной практики. К каждому молодому специалисту приставляется «дядька», который натаскивает его в правилах здешней конторы (то ли в обыкновениях прокуратуры, то ли МВД, то ли суда). Но какие обыкновения сохраняются в голове у юристов и как они проявляются на практике?

Прежде всего, существуют, очевидно, параллельные системы образования. Возьмем, допустим, пытки. Пытки на всей территории России называются одинаково, и это свидетельствует о том, что передовой опыт так или иначе распространяется. Все эти «конвертики», «слоники», «звонки Путину», «распятия Христа» практикуются на всей территории России под одними и теми же именами, так что заплечных дел профессионалы понимают друг друга с полуслова.

Однажды я читал лекцию в некоей большой мундирной... раньше это была школа МВД, а потом она чудесным образом превратилась, ни больше ни меньше, в академию. Я читал лекцию, и надзирающий профессор-полковник, обиженный тем, что я говорил о пытках, заявил: мол, мы в академии курсантов пытать не учим. Я на это полюбопытствовал: «А противоядие вы прививаете от пыток?» Он, секунду помедлив, ответил: «Нет, не прививаем, мы этим не занимаемся, это не наша работа». То есть применение пыток подразумевается, но академический курс построен по принципу: «Тащить, не пущать, не замечать». Реальная проблема пыток не является проблемой для профессоров, которые делают вид, что учат этих мальчиков и девочек в погонах «искусству добра и справедливости», а курсанты, в свою очередь, делают вид, что учатся праву, а затем топчут его. У них нет вузовской прививки от беззакония, нет иммунитета от палаческой бациллы.

*Пашин Сергей Анатольевич — к.ю.н., Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Института экономики, политики и права.

Я понимаю, что всякий человек, который строит некую систему либо живет в ней, вынужден следовать групповым нормам. Когда психологи и политологи исследовали Карибский кризис и то, как вели себя члены президентской команды, сотрудники Дж. Кеннеди, выяснилось, что судьбы Америки, СССР, всего Земного шара, готового расколоться после применения ядерного оружия сверхдержавами, были для них не так важны, как возможность идентифицировать себя с группой, к которой они принадлежали.

Однако в наших условиях групповые ценности приобретают очень своеобразные очертания, свойственные тоталитаризму. Тоталитарные режимы, в отличие от авторитарных, вовлекают людей в игры власти, превращают их в соучастников. Человек должен демонстрировать лояльность, например, выходить на демонстрации и выкрикивать здравницы либо проклятия, сидеть на собраниях, выявлять врагов народа, преклоняться перед портретами и мумиями вождей. Если ты этого не делаешь — ты чужой. Как известно, тот, кто огорчает патриотов, — враг народа и должен отправиться на гильотину, до этой простой мысли додумались еще в период Великой Французской революции.

В связи с этим я позволю себе процитировать одно решение. Это решение квалификационной коллегии судей по делу судьи Александра Меликова. Этот судья выносил слишком мягкие приговоры и постановления, что вменили ему в вину. Но особенно меня умиляет вот эта фраза из официального решения квалификационной коллегии судей: «Вся трудовая деятельность Меликова в качестве судьи свидетельствует о том, что он должным образом правосудие не осуществляет и за работу суда фактически не переживает».

Судья воспринимается людьми, которые пишут эти тексты, не как самостоятельный деятель, не как личность, не как человек, призванный блюсти правосудие, а как член трудового коллектива суда, который должен периодически участвовать в казенных мероприятиях, отмечать по-сивушному 23 февраля и 8 марта, например, и должен еще продемонстрировать свое «переживание» за общее дело. Человек при такой конструкции отношений выступает не как субъект права, а отдается начальству и коллективу с потрохами, и если он сохранил в глубине души что-то личное, не преобразованное этой системой, не встроился в нее целиком — тем хуже для него.

Теперь привлеку внимание к факторам, по-видимому, насажденным в сознание наших юристов системой высшего юри-

дического образования. Это, прежде всего, неразрешенный или разрешаемый очень своеобразно конфликт между естественным и позитивным правом.

Конституция 1993 года провозглашает ценность естественного права, прав и свобод человека и гражданина. Но запечатлены ли эти ценности в сознании представителей юридической сферы? Ведь если за правом признать естественное происхождение, то следующим логичным шагом было бы утверждение в правовой системе прецедентных начал. Английский судья, согласно деклараторной теории, разлитые в воздухе, существующие объективно нормы естественного права аккумулирует и формулирует в своих решениях. Но если право — это всего лишь приказ государства, записанный в собрании законодательства, то судья оказывается не правоуловителем, а только правоприменителем, чиновником в мантии. Это человек, который автоматически применяет волю автора (и подпольного вдохновителя, спонсора) законодательных текстов.

Интересно, что высшие судебные органы России периодически прямо высказываются по вопросам теории права. Видать, в сознании высших судей сохраняются некоторые наиболее яркие заклинания, гремевшие в их студенческие годы с вузовских кафедр.

В частности, 10 марта 2005 года Военная коллегия Верховного суда России вынесла кассационное определение, зачем-то указав в нем, что прецедента в Российской Федерации нет и в уголовном судопроизводстве невозможно применять прецедентное право. А следовательно, если этот же суд когда-то принял по аналогичному делу такое же решение, то это ничего не значит и никаких правовых последствий не влечет. Иными словами, Верховный суд высказывается против прецедента и тем самым объявляет себя не связанным собственными решениями, что само по себе довольно забавно.

Итак, в отечественной теории, а также, в гораздо меньшей степени, в практике противопоставлены два взгляда на судебскую деятельность. Согласно распространенному подходу, судья находит право в кодексах, прибегая, по возможности, к буквальному толкованию норм; ряд судей, которым мне довелось преподавать, с пеной у рта отрицают право судьи на толкование закона. «Мы правоприменители, только правоприменители», — твердят они. Другой взгляд еретический: судья выявляет право и провозглашает его в решениях.

А чего, собственно, ищет правоверный судья в кодексах?

Чтобы не быть голословным, я укажу на два определения Конституционного суда Российской Федерации от 15 июля 2004 года и от 18 июня 2004 года. В этих документах Конституционный суд без затей сообщает, будто требования заявителя, направленные на восстановление его прав на национализированное имущество — это вопрос, судам не подведомственный, и составляет прерогативу законодателя, который «реализует политическую волю государства путем принятия соответствующих федеральных законов». А мы-то про естественное право рассуждаем! При чем тут естественное право? Право «есть возведенная в закон воля господствующего класса», и эту марксистско-вышинскую отсебятину подтверждают судьи Конституционного суда. Решение вопроса о возврате бывшим собственникам и их потомкам имущества, национализированного (грабь награбленное!) в условиях революции, зависит, оказывается, от политической воли государства и суду не подведомственно.

Итак, наши судьи — это люди, которые берут под козырек, слышав команду государства, голос его «политической воли». Мы служим начальству, а значит, естественное право отходит на второй план, превращается в ширму, не правда ли?

Интересно, что в 1803 году по делу Марбери против Мэдисона Верховный суд США вынес решение, которое готовил судья Маршал. В этом решении есть судьбоносные строки: «Со всей настоятельностью следует подчеркнуть, что именно судебная власть вправе и обязана сказать, что есть право».

Почувствуйте разницу. Два века назад американские судьи, выступив с открытыми забралами, приняли на себя ответственность за содержание закона, которое они готовы и обязаны поверять правом. Они отказали государству в привилегии утвердить его политическую волю на шкурах сограждан.

Многие наши выдающиеся ученые твердят, что мы присягнули жить в континентальной системе права. Но ответ им давно дан. Я имею в виду Дело № 3, рассматривавшееся военным трибуналом в послевоенном Нюрнберге. Из 12 процессов над нацистскими преступниками, проведенных американскими властями в оккупированной Германии, один был посвящен разбирательству уголовных обвинений, выдвинутых против нацистских судей и высокопоставленных чиновников юстиции. Гитлеровские судьи тоже не признавали естественного права, в их глазах правом был приказ государства. Они кастрировали «расово неполноценных», вешали сограждан за несдачу теплых вещей на

нужды германской армии, санкционировали убийство обитателей психиатрических клиник — и все это по закону. Когда обвинитель на этом процессе Тейлор возмущался деяниями подсудимых, эти последние недоумевали: они просто следовали требованиям законов, единогласно принятых Рейхстагом, то есть выполняли свой служебный долг. Ничего личного, так сказать.

По сути, в процессе нацистских судей схлестнулись принципы естественного права и права позитивного, отражающего волю государства. Трое из нацистских судей получили пожизненное заключение, некоторые отделались конкретными сроками лишения свободы — длительными и не очень. Уже в 1956 году все осужденные оказались на свободе, но был создан важный прецедент ответственности судьи, прокурора, чиновника за приведение в действие неправовых законов.

Теперь я бы хотел вернуться наблюдению, о котором я вскользь говорил раньше. Это печальное обстоятельство явно коренится в вузовском образовании, восходит к впечатлениям, полученным правоприменителями на студенческой скамье. Судьи не умеют и не хотят толковать право. Типичный ответ судей на вопрос «А вы толкуете право?» — «Избави, Боже! Право мы не толкуем». — «А что же вы делаете?» — «Мы его применяем».

Как они ухитряются его применять, не толкуя? Просто — для этого есть вышестоящие инстанции. То есть право распространяется не в кодексах, а в указаниях вышестоящего начальства. Потому проблемы толкования закона для подавляющего большинства судей вроде бы и не возникает. Но важно и интересно другое: почему эти люди не хотят толковать право? Или просто не умеют? Возможно, их не научили этому. А вероятнее всего, отбили привычку и охоту к умствованиям. Ответственность опасна, безответственность надежна. Судебную практику нашу можно сравнить с рекой. Река течет и течет по своему руслу. Потом приходят «яйцеголовые», нашептывают законодателям мудрые мысли, а те говорят: «А что-то река не туда течет. А давайте мы ее перекроем чем-нибудь и перебросим куда надо!». И начинают сочинять законы, то есть бросать в ее русло скрижали. Река либо эти камешки-законы несет вместе с собой, либо их стачивает до голышей, либо меняет русло и течет как-то по-другому, а закон остается на сухом месте и стоит себе неприкаянный как величественный памятник самому себе.

Посмотрите, как судьи толкуют эти самые мудрые и демократические законы? Вот, например, хорошая конституционная норма: задержание без судебного решения возможно только на

протяжении 48 часов. Это максимум, а дальше надо обращаться к судье, чтобы он рассмотрел вопрос о законности задержания и превращения его в меру пресечения — заключение под стражу. Судье отводится 8 часов на принятие решения, то есть материалы об избрании меры пресечения должны поступить в суд не позднее 40 часов после фактического задержания. А как быть, если материалы следователь представляет судье на 45-м или 47-м часу после фактического лишения человека свободы?

Вот позиция Верховного суда, распространяемая его членами по городам и весям. В этом случае судья продолжает рассматривать ходатайство об аресте, даже если 48 часов с момента задержания истекли. Он не освобождает задержанного по звону курантов, а продолжает рассматривать вопрос, заключить его под стражу или отказать органам уголовного преследования в ходатайстве. Таким образом, отведенные судье на разбирательство 8 часов, как и конституционные 48 часов бессудного задержания, приобретают значение техническое, а не процессуальное. Значит, процессуальные и технические вещи в голове бывших выпускников юридических вузов смешаны.

Судьи Верховного суда развивают тему судебного санкционирования арестов и в дальнейшем. А как быть, если следователь представил материалы судье после истечения 48 часов с момента фактического задержания? Ответ представителей Верховного суда очень своеобразный: «Материалы у следователя в этом случае не принимать!» Мол, пусть следователь с прокурором сами разбираются с нарушенным сроком и сами освобождают человека из-под стражи, лишь бы судья не брал на себя ответственности и не выносил постановления в пользу гражданина. Это форма бегства от отправления правосудия в интересах людей.

Раз уж я начал цитировать официальных лиц, не могу удержаться и не привести фрагмента из относительно свежего постановления, недавно занявшего место в моей обширной коллекции подобных бумаг. 31 мая 2006 года следователь по особо важным делам капитан юстиции П. выносит постановление, которым отказывает адвокатам-защитникам в удовлетворении ходатайств о назначении повторных экспертиз. Следователь, не ограничиваясь сухим отказом, пускается в теоретические рассуждения. Интересно, в какой академии либо, поднимай выше, университете, научили его такой интерпретации права? «Следствие в соответствии с УПК (он еще и на УПК ссылается!) является стороной обвинения и лишь собирает доказательства, но

не оценивает их. Оценка же доказательств с точки зрения их относимости и допустимости, о производстве которых защита просит в своем ходатайстве, является исключительной прерогативой суда».

Следователь этот не дочитал Уголовно-процессуальный кодекс даже до его 17-й статьи, а если и одолел данную норму, то понял ее как-то своеобразно. В его понимании, он фигура безответственная, он собирает все, что попало ему под руку, и набивает этим тома уголовного дела. А суду он отводит роль оценщика бессмысленно накапливаемых им бумаг.

Где следователь по особо важным делам научился такому представлению о внутреннем убеждении, кто ему привил чувство свободы от оценки доказательств? Не профессора ли в студенческой аудитории?

Но и это еще не все. Я В сознании выпускников и, соответственно, правоприменителей утвердились инквизиторские идеи («розыск», говоря по-русски) вместо состязательных принципов процесса. И хотя мы гордимся тем, что у нас будто бы свободная оценка доказательств, на самом деле практика тяготеет к постулатам формальной теории доказательств. Правосудие без оправданий тому достаточное подтверждение. У нас оправдывают менее процента подсудимых, всего около 10 тысяч человек в год, причем треть оправдательных приговоров все равно отменяется вышестоящими инстанциями.

Наглядное представление о нашем правосудии дает модель, основанная на поведении подброшенной в воздух монетки: выпал орел — виновен, решка — виновен, но наказание в пределах отбытого срока или условное, а если уж гривенник на ребро упал и в таком положении остался стоять — ну, тогда подсудимый оправдан.

Инквизиционный подход пробивает себе дорогу даже в решениях Конституционного суда. Например, в постановлении Конституционного суда от 29 июня 2004 года № 13-п суду наряду с органами уголовного преследования вменяется в обязанность собирать доказательства, подтверждающие виновность лица в совершении инкриминированного ему преступления (пункт 4 описательной). С точки зрения инквизитора, невиновность не презюмируется. Презюмируется виновность. Оправданию подлежит лишь тот подсудимый, в отношении кого вообще нет никаких доказательств. Если же доказательства есть, пусть и слабые, то человек либо должен быть оставлен в подозрении, либо подвергнут более мягкому наказанию; чем крепче улики,

тем серьезнее должно быть наказание. Раз посадили — не отпускать же! Этой фразой, которую мне неоднократно приходилось слышать от коллег-судей, концентрированно выражается позиция инквизиторов, что бы они ни рассказывали на экзаменах и в интервью о презумпции невиновности.

Иногда обвинительный уклон доходит до абсурда. Вот, например, дело А. из города Сальска Ростовской области. Архипов обвинялся в том, что бросил гранату в форточку своей сводной сестры, чтобы не делиться с ней наследством.

Верховный суд отменяет оправдательный приговор. На вопрос, доказано ли, что он бросил гранату, присяжные ответили: «Нет, не доказано». Вроде, все. Верховный суд отменяет оправдательный приговор на том основании, что судья, поставив вопрос о покушении на убийство и причинении тяжкого вреда здоровью бедной женщины, не поставил вопроса о виновности А. в повреждении взрывом находившегося в комнате имущества. Получается, возможен такой вариант: гранату А. не бросал, но шифоньер взорвать ухитрился. В угоду обвинительному уклону ряд доказательств фактически признается имеющим заранее установленную силу. У меня масса тому примеров, но я позволю себе привести лишь один из них. Защитник по делу Д., обвинявшейся в убийстве, пригласил в суд специалистов, развенчавших заключение казенных экспертов-психиатров и психологов. Благодаря квалифицированной защите под сомнение были поставлены решающие для обвинения показания малолетней свидетельницы. Позиция Верховного суда, отменившего оправдательный приговор, постановленный на основе вердикта присяжных заседателей: «Поскольку заключение психиатров было допустимым доказательством, оспаривать его сторона защиты не имела права». Иными словами, Верховный суд демонстративно перепутал допустимость и достоверность доказательств. Заключение экспертов может быть допустимым, но не достоверным доказательством, и атаковать его убедительность, обоснованность вполне правомерно. Точно так же, показания свидетеля могут быть заслушаны судом, но оказаться ложными, то есть допустимыми, но недостоверными. Наверное, двоечники писали это решение Верховного суда? Нет, такова позиция судей, наученных праву в его инквизиторской интерпретации.

Вот, например, дело Т. из Ставрополя. Верховный суд отменяет оправдательный приговор и, соответственно, вердикт коллегии присяжных заседателей. Аргументация, взятая из касса-

ционного определения, сводится к следующему: «После оглашения судом протокола осмотра места происшествия и фототаблицы к нему адвокат дал субъективные комментарии, свою интерпретацию детального снимка следов, зафиксированных на месте преступления, с целью навязывания своего мнения, что могло изменить объективное отношение присяжных заседателей и повлиять на вынесение незаконного вердикта. При таких обстоятельствах считаем, что адвокат оказал влияние на формирование мнения присяжных заседателей при вынесении ими вердикта. Поэтому приговор не может быть признан законным, он подлежит отмене». Верховный Суд публикует не более 5% своих постановлений и определений. Если он печатает что-то в Бюллетене Верховного Суда, предполагается, что это решение и есть квинтэссенция юридической мысли. Если так-вы сливки, то каковы же низы судейского корпуса? Современная теория доказательств правоприменителями, по-видимому, не усваивается, и я начинаю сомневаться, современная ли теория доказательств нашим студентам преподается.

Я бы добавил, что многие правоприменители вместо юридического сознания и правопонимания оперируют обыденным. Самый типичный тому пример — это смешение жертвы преступления и потерпевшего. Поэтому когда вы наблюдаете, что кто-то рвет на груди рубаху (мундир, мантию, пиджак от Валентино) и говорит: «Для того, чтобы защитить права потерпевшего, нам нужно изменить законодательство, перестать заботиться о правах преступника и тому подобное», — вы должны понимать, что этот господин либо кривит душой, либо он не все понимает в юриспруденции. Потому что потерпевший — это процессуальная фигура. И сделать что-то хорошее для жертвы путем наделения правами потерпевшего совершенно невозможно. Жертву защищать обязана полиция, жертва заинтересована в возмещении вреда. А если вы разрешили потерпевшему участвовать в прениях и спросили его, удовлетворять ли ходатайство защитника, то от этого жертве, в общем, не жарко и не холодно.

Проблему юридической практики представляет и неукорененность в сознании дипломированных специалистов основных правовых понятий. Это очень характерно для выпускников юридических факультетов, которые впоследствии распространяют свои упрощенные взгляды дальше.

Например, что есть правосудие? Любимое юридическое рассуждение состоит в наложении правосудия на процесс; в глазах

ученых правоведов правосудие либо уже, либо шире процесса. Правосудие, по их мнению, — это такая плоская штука, которую можно сравнить с процессом. Конституционный суд утверждает в постановлении от 25 января 2001 года, что правосудие — это решение дела по существу. Из этой позиции вытекает, по меньшей мере, несостоятельность схоластических рассуждений про двумерное правосудие, сравнимое с судопроизводством. Но господствующая теория твердокаменна, а разъяснение Конституционного суда, в свою очередь, становится камнем преткновения в деле защиты прав человека. Хотели как лучше, а получилось...

Зарисовка с натуры. В ходе решения вопроса о заключении под стражу человека, обвиняемого в сбыте наркотиков, адвокат заявляет ходатайство о признании недопустимыми ряда доказательств. На это Ее честь судья говорит: «А вы-то Конституцию, товарищ адвокат, читали?» — «Читали, Ваша честь». — «А там, между прочим, написано: “При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона”. А у нас тут не правосудие, у нас тут судебный контроль». А раз судебный контроль, значит, можно использовать доказательства, полученные с нарушением закона. Вот и все.

Еще одна практическая проблема состоит в том, что непосредственное действие Конституции сплошь и рядом понимается как опосредованное действие. Если вы станете сдавать в экзаменационной комиссии при квалификационной коллегии судей экзамены на чин арбитражного судьи, вы должны быть готовы к тому, что, оказывается, непосредственное применение Конституции состоит в том, чтобы обратиться за разъяснениями спорного законоположения в Конституционный суд и, не дай Бог, не оскоромиться самостоятельным вынесением конституционного решения!

Я понимаю, что у юриспруденции и у преподавания юриспруденции есть объективные трудности. Полагаю, самая серьезная такая трудность состоит в том, что мы занимаемся с вами неестественным делом. Мы занимаемся делом искусственным, которого живая жизнь не образовала.

Юриспруденция работает с виртуальной реальностью. В рамках юриспруденции оживают покойники, существуют всякие фикции и презумпции, непостижимые обыденным сознанием. Люди не мыслят так, как мыслят юристы.

Скажите по совести, кто из людей мыслит презумпцией невиновности? Думаю, никто. Наоборот, люди рассуждают по-дру-

гому: дыма без огня не бывает; раз ведут — значит, виноват. Это понятное размышление. Убежал с места происшествия — значит, не иначе как виноват. Отказываешься давать показания — значит, чувствуешь за собой какую-то вину. И когда судья напутствует присяжных и говорит им: «Вы не должны думать, что дыма без огня не бывает. Вы обязаны считать, что человек невиновен, пока вам не представят достаточную совокупность убедительных доказательств», — человек, конечно, изумляется.

При этом как у нас рассчитывают преодолеть разрыв между обыденным и юридическим сознанием? Обычно заклинаниями вроде «будьте объективны, соблюдайте равенство прав сторон и т.д.». Но это опять не по-человечески. Потому что человек на предложение быть объективным реагирует в основном укреплением собственной позиции, что подтверждается результатами психологических исследований, описанных, в частности, в работах Людмилы Михайловны Карнозовой. Лишь попытка заставить человека рассмотреть чужую позицию помогает ему быть объективным. Мы устроены совсем не так, как кажется тем, кто учит нас думать.

Или вот, например, проблема юридической квалификации человеческих поступков, в частности, преступлений. На прошлой неделе читал я лекцию в Академии адвокатуры, там на доске предыдущий преподаватель написал, как мы квалифицируем деяния подозреваемых. Во-первых, мы устанавливаем все факты, которые нам нужны для квалификации, во-вторых, мы подбираем нужный закон, то есть статью Уголовного кодекса, и, в-третьих, закон примеряем и припечатываем к фактам.

Я не понимаю, как такое возможно. Откуда мы знаем, предварительно не взяв закон, под какую квалификацию нам подбирать факты? Или же мы, найдя человека, заранее знаем, под какую статью будем его подводить, и, основываясь на этом знании, отыскиваем факты для подтверждения априорных выводов? Это с одной стороны. А с другой стороны, разве преступление — это нарушение уголовного закона? Очень сомневаюсь. Для присяжных, во всяком случае, нет. Значит, люди, а юристы тоже люди, мыслят совсем не так, как им предписывают мыслить профессора права.

Я очень хорошо помню, как говорил своим народным заседателям в совещательной комнате: «Вы решите дело, а я напишу приговор так, чтобы ваше решение не отменили». У меня были две милые женщины в народных заседателях, и они большинством в два голоса все время решали дела, а я писал юри-

дические тексты так, чтобы Верховный суд оставил приговор в силе. Это означает, что решение предшествует квалификации, а совсем не наоборот.

Попытка изобрести и приписать человеку искусственные способы мышления до добра не доводит.

И еще одна трудность. Твердим: истина, истина, истина, истина... Объективная истина, абсолютная истина. Нам - юристам, гуманитариям, вменяется в обязанность работать в рамках естественнонаучной парадигмы. Естественнонаучная парадигма означает, что мы, субъекты, имеем перед собой объект, который изучаем, описываем принятым в юриспруденции языком и, вульгаризировав таким образом, его квалифицируем. Иными словами, квалификация деяния как преступного или нет вроде бы объективна, продиктована требованиями закона и может быть осуществлена уже в момент совершения деяния. Подобное же рассуждение наша юридическая наука распространяет и на доказательства. На экзаменах все время требуют перечислить свойства доказательств «Относимость, допустимость, достоверность, достаточность», - отбарабанивает отличник. Но разве у доказательств есть свойства? Разве у розы, на которую никто не смотрит, есть цвет? Объект, будь то преступление или доказательство, включен в нашу деятельность. Это значит, что его не существует помимо нашей деятельности, и нет ни преступления, ни доказательства помимо той оценки, которую мы даем, помимо тех качеств (характеристик), какие мы ему приписываем, исходя из наших целей и позиции.

Вот, например, молодой человек залез в чужой карман и вытащил оттуда 5 тысяч рублей. Он что совершил?

Реплика. Кражу.

Пашин. Кражу. Статья 158, часть 1, а если пальто было на пострадавшем, — то квалифицировать деяние надо по части 2 статьи 158 Уголовного кодекса. А если известно, что этот молодой человек вытащил у своего батюшки 5 тыс. рублей, он тоже преступник? Или нет?

Реплика. Формально — да.

Пашин. Формально — да. И что, батюшка потащит его в милицию, что ли? А если не потащит, кто же тогда признает юношу преступником, наклеит на него эту этикетку? А раз этикетка не наклеена, разве он преступник? Да нет. Батюшка своими, домашними средствами распорядится — велит подростку снять штаны, да пропишет ему ижицу, да и все. И никаких преступников не будет, заметьте, и шестеренки юриспруденции не станут

проворачиваться. Мое рассуждение основано на парадигме деятельностного подхода.

В заключение мне бы хотелось высказать несколько практических соображений по поводу дидактики. Я думаю, уважаемые коллеги, что всем присутствующим понятна разница между образованием и подготовкой. Подготовка предполагает набивание студенческих голов знаниями, а образование подразумевает, что преподаватель выкладывает на стол основания своих утверждений и продает аудитории понимание.

Соответственно, в результате подготовки получают исполнители, а в процессе образования формируются ловители права — люди, которые могут создавать прецеденты, толковать законы и действовать осмысленно в этом частокле норм, кодексов, комментарий.

Соответственно, и методы используются разные. Если нужно слушателей готовить, то тут следует ужесточать контроль, проводить проверочные работы, хвалить тех, кто посещает занятия, наказывать прогульщиков, грозить им списанием в армию. А если речь идет об образовании, то методы иные. Нельзя образовывать людей в условиях реформы так же, как их образовывали в условиях стабильного законодательства, так же, как их учили в советский период.

У любимого мною Сергея Есенина в поэме «Гуляй-поле» есть очень точные строки: «Еще закон не отвердел, / Страна шумит, как непогода, / Хлестнула дерзко за предел / Нас отравившая свобода».

Люди, которые образовываются в этих условиях, должны быть научены чему-то иному, а не просто текстам, динамике, а не статике. Когда же этих людей учат текстам, то выясняется, что правоприменители справляются с работой, пока тексты актуальны. Но сколько-нибудь существенные изменения закона приводят памятливых профессиональных автоматов в состояние ступора.

Я привожу обычно пример, связанный с первым делом, рассмотренным Саратовским областным судом с участием присяжных заседателей в постсоветской России. В 1993 году двум братьям М. вменяли три убийства. А потом прокурор изменил обвинение, так как пришел к выводу, что братья действовали не скопом, а как б в одиночку: на совести одного из них один покойник, а другой зарубил двух человек. На вопрос судьи к адвокатессе Р.: «А что вы думаете по этому поводу?», защитник сказала: «Я возражаю». Почему? А потому что ее научили, что

она не может расходиться в позициях со своим доверителем. И раз он заявил, что вообще никого пальцем не тронул, она вполне логично возражает против того, чтобы с него сняли обвинение в убийстве двух жертв. Потом с этой умной и милой женщиной я в кулуарах беседовал; она быстро сообразила, что сделала все верно, но отчего-то неправильно. Мы, в конце концов, сформулировали взвешенный ответ на инициативу прокурора: «Спасибо, что вы сняли с моего подзащитного два трупа, а что он не убивал третьего человека, я сама докажу». Но поскольку она была хорошо подготовлена, но не достаточно образована своим вузом, она в процессе поступила так, как ее натаскали в институте и коллегии адвокатов.

Так, может быть, в условиях реформы следует транслировать практические навыки? Например, завести спецкурсы, где учить студентов правильно писать процессуальные документы и объяснять им, что слово «постановление» надо писать сверху, подпись надо ставить внизу и т.д. Может быть, этим надо заниматься? Утверждаю, что для целей образования это совершенно бессмысленно.

Во-первых, на практике очень быстро объяснят, что делать в той или другой ситуации, как писать протоколы и «отписывать» приговоры. А во-вторых, насколько я помню, в Сорбонне, скажем, в XIV веке совсем не учили французское право, право страны. И никто не объяснял студентам Сорбонны, на сколько оборотов надо закручивать винт испанского сапога, пытая обвиняемого, на какую высоту допрашиваемого следует вздергивать на дыбе. И в кабинетах криминалистики в Сорбонне, я почти уверен, не хранились муляжи полицейских арбалетов, кандалов и виселиц. Римское право зубрили школяры, и эта наука давал им юридическое образование. Потому что юрист — это вовсе не тот человек, который знает право страны, а тот, прежде всего, который обладает правопониманием.

Полагаю, в вузах надо голову упражнять, а не память. Надо изощренность мыслительную упражнять.

Вот, например, один из примеров, который я предлагаю студентам на первом семинаре. Часть 2 статьи 49 УПК гласит: «В качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый». Возникает вопрос: неадвокат может участвовать на предварительном следствии?

Реплика. Нет. Ведь сказано в законе, что иные лица допускаются только по судебному решению.

Пашин. Однако рассматриваемая норма допускает, по меньшей мере, три истолкования. Первая трактовка предлагалась сейчас: неадвокат не вправе участвовать на предварительном следствии. Специальный вопрос, почему законодатель принял столь жестокое решение, лишив обвиняемого возможности видеть в защитниках всякое лицо, которому он доверяет. Но мы сегодня в побуждениях депутатов и их советчиков разбираться не станем.

Вторая возможная трактовка: гражданин может ходатайствовать перед судьей о допуске неадвоката в качестве его защитника, а судья предписать следователю допустить в качестве защитника и другое лицо наряду с адвокатом.

И третье возможное понимание: неадвокат может участвовать на следствии в качестве защитника, но только в рамках процедур судебного контроля. Скажем, когда в судебном порядке обжалуются действия и решения следователя, обвиняемый может явиться к судье с неадвокатом в качестве своего защитника.

Как видите, норма вроде понятная, истолкованная однозначно на практике, но допускающая и другое понимание.

Получается, наше толкование закона зависит от нашей позиции и нашего правопонимания. Если оно позитивистское, не основанное на идеях естественного права, да еще и подкрепляется всякого рода групповыми нормами и способами оценки работы, то есть достаточно произвольными показателями, мы имеем что имеем. Если во главу угла ставятся правовые, человекообразные принципы, в данном случае — право доверителя на самостоятельный выбор защитника, то изобретаются новые толкования старых норм.

В свете сказанного, я полагаю, неглупым студентам надо ставить вопрос не о правильности. Вот решают студенты казус, а в пособии черным по белому: «Как правильно решить задачу? Кто прав: следователь или прокурор?» А надо ставить другой вопрос: «Как сделать, чтобы...» Иными словами, всякий казус должен рассматриваться, по меньшей мере, с трех позиций: обвинения, защиты и суда. И для образования студентов продуктивно предлагать им задачи, которые позволяют с помощью изощренных толкований нормативных текстов достичь целей, стоящих перед стороной в процессе. Не вообще правильно применить норму, а решить конкретную задачу в благоприятном для стороны духе.

Немаловажно также и обучение параллельным технологиями вроде восстановительного правосудия. .

Ведущий. Спасибо большое. Вопросы будут? Есть вопросы?

Слушатель. Есть вопрос. Скажите, пожалуйста, вы участвуете в телевизионных судебных процессах, вы получаете какое-то удовлетворение от этого участия? Если да, то в чем это может выражаться?

Пашин. Последний раз я получил удовлетворение, когда Мара Федоровна подарила мне письмо из Новосибирска. Там руководитель правозащитной организации писала, что судьи их региона начали копировать манеру поведения телевизионного судьи. Например, они стали благодарить подсудимого и свидетелей за показания.

Ведущая. Культура ведения процесса.

Пашин. Поскольку я сейчас лишен возможности участвовать в судебной реформе, хотя в свое время это делал достаточно активно, теперь пытаюсь оказать влияние на судебную политику и практику эстетически. Потому что без любви к юриспруденции, в том числе и на почве эстетических переживаний, всякое знание будет тщетным.

Слушатель. То есть зрители получают удовлетворение, самое главное.

Ведущий. Еще вопросы? Нет? Может, у студентов есть вопросы? Не стесняйтесь.

Пашин. Я говорил довольно конспективно, может быть, что-то надо прояснить?

Слушатель. Я задам вопрос по поводу юридического образования. Вы участвуете в аттестации будущих адвокатов, а считаете ли вы возможным аттестацию ряда юридических вузов при помощи общественной экспертизы. Быть может, на основе результатов таких аттестаций целесообразно решать вопросы лицензирования образовательных учреждений?

Пашин. Видите ли, всякая форма дополнительного контроля мне вообще кажется нежелательной, может быть, потому что я не начальник. Всякого рода лицензирование сплошь и рядом выливается в хороший парадный обед или охоту, устраиваемую от щедрот заведения для проверяющих. Поэтому я особо не верю в то, что какой-то внешний контролер может навести порядок в вузе.

Когда квалификационная комиссия Адвокатской палаты принимает экзамены, это и есть способ обратной связи. Если вузы заинтересуются, сколько их выпускников прошли через данное «сито», и сделают соответствующие выводы, это будет хорошо.

Слушатель. Но не всегда мы можем прийти до экзаменационных комиссий в профессиональных сообществах и проанализировать процесс сдачи выпускниками экзаменов на профессию. А как вы считаете, какие рычаги общественного контроля мы можем на разных этапах применить к качеству юридического образования и к правоприменительной практике студентов, которые закончили вузы?

Пашин. Игнорировать выпускников определенных вузов. То есть не давать им трудоустраиваться, не ходить к ним на консультации и не платить им денег. Это самое лучшее, по-моему.

Слушатель. В течение многих лет ведется дискуссия, является ли судебная практика источником права. Какова ваша позиция?

Пашин. Если зверь пушистый, на четырех лапах, с хвостом, трется о ногу и мурлычет, то его надо назвать кошкой. Конечно, можно придумать ему какое-то другое название, но зачем?

По делу об убийстве депутата С., а потом по делу некоего господина К. Верховный суд разъяснил, что, оказывается, «судьи — это судьи права, а присяжные — это судьи факта». Автор этого кассационного определения, видно, подхватил эту странную мысль где-нибудь на спецкурсе под названием «Реакционная сущность англосаксонского уголовного процесса». Но ведь присяжные выносят вердикт о виновности, то есть, бесспорно, решают правовой вопрос.

На основании этого рассуждения Верховный суд принял определение, согласно которому вопрос о пытках — это вопрос юридический. Поэтому когда подсудимый говорит в присутствии присяжных заседателей: «Меня подвешивали в наручниках на стену, и я так висел 12 часов», — то оправдательный вердикт безжалостно отменяется.

Как только в 1994 году Верховный суд высказал данную позицию по конкретным делам, масса оправдательных приговоров была обрушена. Причем количество и доля отмен оправдательных приговоров суда присяжных резко возросли, чуть ли не в два раза. Что это было? Я полагаю, это был прецедент.

Другое дело, что у нас нет правила прецедента, как оно сформулировано в 30-е XIX века в Великобритании. Наши прецеденты носят так называемый «убедительный» характер. Забавно, что в России прецедентов по одному и тому же вопросу много. Благодаря этому Верховный суд выпячивает то одну, то другую позицию в зависимости от политической ситуации. Но это уже конкретные местные технологии.

Слушатель. *В чем интерес в юридическом обслуживании таких акционерных обществ, как «Газпром» и «ЛУКОЙЛ», каковы задачи в связи с этим юридических вузов, готовящих для них кадры.*

Пашин. Юридическим службам этих компаний задачи ставят хозяева для достижения целей бизнеса и эффективной эксплуатации работников.

Реплика. *Но, наверно, все-таки сейчас, с учетом частного бизнеса — обеспечить большую прибыль и минимизировать налоги.*

Пашин. Можно сказать и так. Но кто бы ни платил вузам за подготовку кадров, академические вольности, которым, надеюсь, мы все привержены, предполагают обучение студентов праву в его благородной ипостаси — патриотической и гуманистической.

Воскобитова Л.А.*

Спасибо за то, что предоставили мне возможность присутствовать на этом обсуждении, послушать блестящего оратора Сергея Анатольевича Пашина и поспорить в чем-то с ним, а также за возможность высказать свое мнение, выслушать ваше, увидеть вашу реакцию на то, о чем я буду говорить.

Насколько я понимаю, сегодня здесь будут обсуждаться проблемы юридического образования. То, о чем говорил в своем выступлении Сергей Анатольевич, грустно. Но, тем не менее, я готова подписаться подо всем, что он говорил. И болевые точки практики уголовного судопроизводства, которые он обозначает и видит, — увы, это наши реалии. И проблемы образования, которые он выявляет через призму этих болевых точек, — увы, это тоже наши реалии.

И, тем не менее, я хочу вступить в полемику, только немного развернуть то, о чем говорил С.А. Пашин, выделить мысль, которая красной нитью прошла через все его выступление. Неоднократно Сергей Анатольевич повторил: «Ведь кто-то же учил этих людей?» Постановление следователя, которое он процитировал, решения судей, решения, документы, действия адвоката иной раз бывают очень далеки от идеала, и ряд примеров, приведенных С.А. Пашиным, можно было бы продолжить.

Маленький пример. Далекое, Богом забытое село в Архангельской области. Народ там живет просто: работы нет, рабочих мест мало. Вдоль дороги стоит вагончик, в котором работает круглосуточный ларек, и вся жизнь народа — вокруг этого ларька и употребления всего того, что там есть. И поэтому в этот ларек народ ходит, когда закончилось. Туда ходят днем, в два часа ночи, в шесть часов утра, один свидетель в четыре часа утра пришел. На вопрос суда, зачем, собственно, он говорит: «Пиво надо было». И вот так жизнь идет в этом населенном пункте.

В одну печальную ночь продавец этого киоска оказывается убитой выстрелом из огнестрельного оружия. При рассмотрении уголовного дела в судебном заседании спор разгорается вокруг двух основных доказательств. Одним доказательством являются показания свидетельницы, которая в момент убийства работала заправщицей в машине-заправке, стоящей через до-

* Воскобитова Лидия Алексеевна — д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса Московской государственной юридической академии

рогу от этого ларька. Она говорит: «Да, я ночью слышала шум, крик возле этого ларька. Я из машины вышла, посмотрела, через дорогу возле ларька увидела Вовку Р., еще крикнула: “Вовка, кончай тут шуметь”. Потом услышала хлопок. Поскольку у меня папа охотник, я поняла, что это выстрел. Я ужасно испугалась, потому что на меня раньше нападали, забились в кабину автозаправочной машины и замерла».

Утром, когда был обнаружен труп, эта свидетельница не призналась работникам милиции в том, что видела, кто был возле ларька. После этих событий свидетельница слегка запила и только через несколько дней все-таки призналась следователю, что видела, кто скандалил и стрелял возле ларька той ночью. Но повторный допрос этой свидетельницы проходил в квартире ее знакомой, куда она пришла, слегка выпивши, и где следователь застал ее, производя там другие следственные действия.

Эти показания легли в основу обвинения. В процессе судебного разбирательства по этому делу неожиданно всплыло другое доказательство. Некто, житель этого же села, молодой человек, арестованный за кражу, из следственного изолятора вдруг написал явку с повинной, в которой утверждал, что продавщицу убил он, рассказав, как и при каких обстоятельствах все произошло.

При этом в процессе расследования ружье, из которого производился выстрел, так и не было обнаружено. На вопросы, которые ставились эксперту, откуда мог быть проведен выстрел, эксперт ответил: «Поскольку у меня нет ружья, и я не знаю длину ствола, я не могу сказать, откуда был произведен выстрел».

В этом вагончике два окошка. Стекло было разбито в одном окне, и выстрел мог быть произведен из этого окна. А там есть еще маленькое раздаточное окошко, к которому продавщица могла подойти, наклониться, и в нее тоже можно было произвести выстрел. Свидетельница утверждала, что обвиняемый стрелял в одно окно, а человек, признающий себя убийцей, утверждал, что он стрелял через другое окно. Но суд не смог дать убедительный ответ на этот вопрос, и данное противоречие осталось за рамками исследования суда.

Как вы думаете, какой приговор может вынести судья в таких условиях?

Реплика. *Не виновен.*

Реплика. *Виновность не доказана.*

Воскобитова. Виновность не доказана, и поэтому вы бы руководствовались...

Реплика. *Презумпцией невиновности.*

Воскобитова. Вы хорошо думаете о наших судьях. Суд вынес обвинительный приговор с реальным лишением свободы тому, кто первоначально был привлечен в качестве обвиняемого. Как-то так, наверное, случайно сложилось, что в течение прошлого года я сделала девять заключений для Независимого экспертно-правового совета по уголовным делам, и в девяти случаях при наличии очень спорных доказательств в делах, при не опровергнутых оправдательных доказательствах судами были вынесены обвинительные приговоры.

И я снова возвращаюсь к вопросу о том, что судей, которые рассматривали это и другие дела, следователей, которые их расследовали, этому учили? Неужели их учили так работать?

Реплика. *Учили бороться с преступностью.*

Воскобитова. Я позволю себе высказать другой тезис, который мне бы хотелось красной нитью провести через свои рассуждения. Практические работники работают на сегодняшний день так, в первую очередь, потому что их никто не научил работать так, как нужно. Не научили.

Я помню, сколько обучающих семинаров было проведено с теми судьями, которые в 1993 году готовились к работе в суде присяжных. Всего 9 регионов России, и в каждом регионе это были единицы судей, которые были выделены для этой работы...

Ведущая. *Плюс прокуроры и адвокаты.*

Воскобитова. Судьи обучались этой новой технологии работы. Вместе с ними в одних семинарах обучались адвокаты, прокуроры. Потом они разводились по разным группам, для каждой группы проводились самостоятельные обучающие семинары, потом их по одному и в профессиональных группах возили в далекие и не очень далекие страны, чтобы они посмотрели, как это делают на практике. Несколько лет подряд шла обучающая работа.

Сейчас ситуация аналогичная. Мы имеем принципиально новое процессуальное законодательство (я имею в виду, в частности, уголовно-процессуальное, которое мне ближе всего), которое определяет совершенно новые условия для работы следователя, совершенно новую роль прокурора, совершенно новую роль для судей, очень много нового для адвоката.

Но, к сожалению, сегодня нет этой глобальной и системной переподготовки профессионалов к работе в новых условиях. На мой взгляд, в этом одна из причин крайне низкого качества предварительного расследования, низкого профессионализма

следователей и прокуроров. Все беды идут оттуда. Судья оказывается в невероятно тяжелой ситуации: он знает, что нужно оправдывать, если вина не доказана, но вместе с тем понимает, что не может же он оправдывать всех или почти всех только потому, что следствие не профессионально. И попробуйте принять принципиальное решение вот в такой реальности.

А для того, чтобы переломить эту печальную ситуацию, сегодня нужно формировать настоящую компетентность, кардинально менять парадигму профессионального мышления и деятельности уже у тех, кто пока еще находится на студенческой скамье. Переучивать значительно сложнее, и может быть поздно. И это касается юридического образования, которое сегодня «образовывает» тех самых юристов, которые завтра-послезавтра уже придут на эту самую практику, на самые разные должности. Эта проблема касается и студентов, которые должны, наконец, потребовать от своего вуза: «Дайте нам то, что делает нас компетентными». Это касается и вуза, который сегодня должен задать себе вопрос: «А что, собственно, мы должны делать, чтобы они вышли компетентными?» Вот это встречное движение сегодня необходимо юридическому образованию.

И вот здесь возникает первая проблема: а, собственно, из чего складывается юридический профессионализм? Как вы думаете, из чего складывается юридический профессионализм, компетентность?

Реплика. *Знания, навыки, качества.*

Воскобитова. Замечательно. Возвращаясь к делу об убийстве продавщицы ларька, я предполагаю, что следователь, прокурор, судьи, работавшие по этому делу, все-таки про презумпцию невиновности когда-то где-то слышали. И наверняка им читали лекцию о том, что это такое, что это принцип правосудия, и объясняли все, что необходимо для реализации этого принципа. Были ли навыки у этих должностных лиц?

Реплика. *Были.*

Воскобитова. А как они сформировались?

Реплика. *По-разному.*

Реплика. *Пока они работали.*

Воскобитова. Пока они работали. Навыки у них появились уже тогда, когда они начали работать, каждый в своей должности, и навыки эти формировались теми, кто работал рядом. Хорошо, если рядом окажется профессионал в лучшем смысле этого слова. А если в худшем, профессионал в кавычках?

Что же касается профессиональных качеств, то для инжене-

ра, нефтяника, строителя такие качества, как честность, доброта, порядочность, сострадание, сочувствие (наверное, этот ряд можно продолжить), — это просто человеческие качества, и они никак не отражаются на профессиональной деятельности. Для юриста все перечисленные качества, а также твердость характера, умение принять самостоятельное решение, отсутствие страха перед вышестоящим начальством и другие вдруг приобретают значение профессиональной компетенции. Или ты компетентен в своей работе, или ты некомпетентен только потому, что у тебя нет этих личностных качеств. Тогда не следует идти в следователи, прокуроры, судьи. Тогда можно работать юристом в какой-нибудь иной сфере, где профессионально востребованы иные качества, где отсутствие навыков не приведет к нарушениям прав человека.

А теперь вот у меня вопрос опять к студентам. Какие навыки вы получили, проучившись три-четыре года на юридическом факультете?

Реплика. *Принятия решения...*

Воскобитова. Вы сегодня готовы принимать решения по уголовному делу, по гражданскому делу? Если к четвертому курсу хотя бы какие-то навыки вы начинаете получать, например, принятия решения, значит, ваша компетенция немножко выше, чем у студентов, которые получают только знания. Скажите, как вы считаете, навыка принимать решения вам достаточно для компетентности?

Реплика. *Нет.*

Воскобитова. Вам этого мало, да? Хотелось бы эти навыки «пощупать руками» уже сейчас, на студенческой скамье?

Реплика. *Да.*

Воскобитова. Каких навыков вам, например, сейчас не хватает? Каких именно? Что бы вы хотели научиться делать? Я не случайно ставлю такой провокационный вопрос. Дело в том, что если вы спросите даже опытного практикующего юриста, а какими навыками, собственно, должен обладать юрист, думаю, что не получите ответа на этот вопрос. Потому что до сих пор юридическое образование пока еще программы навыков не выработало.

Если вы посмотрите государственный стандарт, то вы увидите там список дисциплин, которые нужно изучить. По каждой дисциплине там написано, какими знаниями должен обладать каждый студент, изучающий специальность «Юриспруденция». Термин «навыки» употреблен в госстандарте несколько раз, но

назван между делом и совсем не в прикладном значении готовности к практической работе юриста.

Например, говорится о навыке толкования правовой нормы. Хороший навык, он действительно нужен. Но если юрист знает юриспруденцию только на уровне толкования правовой нормы, то, к сожалению, это еще не компетенция. Обучение праву, толкованию правовых норм — это трансляция знаний. И мы сегодня, к сожалению, все находимся в этом трансляционном поле. Мы, преподаватели, транслируем вам то, что мы знаем, вы на экзамене транслируете нам то, что вы запомнили. И при этом ни мы, ни вы не знаем, как эти знания будут употреблены вами. Сможете ли вы их употребить? И достаточно ли мы приложили усилий, чтобы вы употребили их квалифицированно? Вот это, на мой взгляд, одна из ключевых проблем сегодняшнего юридического образования.

Может быть, вам известно, современная цивилизация живет в таком темпе, что объем информации увеличивается каждые пять лет вдвое. Так что если вы сейчас на 4-м курсе, то, что вы учили на первом, информационно обогатилось уже в два раза. Вы сможете овладеть этим увеличенным знанием?

Реплика . *На первом курсе-то римское право, что в нем меняется?*

Воскобитова. Если мы возьмем отдельный институт римского права, то, наверное, его характеристика не изменится. А если мы возьмем теоретические представления о римском праве: монографии, написанные на эту тему, исследования историков, исследования юристов, исследования лингвистов, переводы какие-то новые, то мы увидим, что объем информации даже по римскому праву изменился и очень активно изменяется.

А зачем студентам до этих тонкостей доходить? Можно дать им минимум, и пусть они себе идут. Так ведь через 10 лет увеличится еще раз вдвое, а через 15 увеличится еще раз вдвое. А в результате мы получаем судью, который в принципе не способен воспринять новую информацию, данную новым законодательством.

И здесь возникает вторая проблема современного юридического образования. Трансляционный метод обучения становится явно недостаточным. Сегодня нужна не только трансляция знаний. Без трансляции не обойтись, основы, безусловно, будут передаваться трансляционным методом. Но наряду с трансляционными методами, а может быть, значительно больше, требуются методы, позволяющие учить современного студента технологии самообучения. Необходимо обучать студентов са-

мостоятельному восполнению информации, развивать навыки интеграции нового знания, новой информации в уже имеющийся объем знаний.

И вот тут опять возникает связь с проблемой обучения практическим навыкам. До тех пор, пока мы на студенческой скамье не поставим студента в условия реальной практической деятельности, профессиональной деятельности, у него не возникает потребности в навыках. Пока не создана ситуация, когда студент сам осознает, каких знаний и навыков ему не хватает для решения практической задачи, для выполнения профессионального действия, у него не возникает потребность в самообразовании.

Например, прочитала Мара Федоровна Полякова* лекцию по уголовному процессу, которая вам понравилась, заинтересовала вас, и вы запомнили все, что она вам сказала. Но до тех пор, пока вы не столкнетесь с реальным делом и не окажетесь в ситуации, когда вам нужно принять самостоятельное решение, обосновать его, отстоять в процессуальном споре, вы не поймете, какие навыки вам нужны, каких знаний не хватает. Вот только тогда вы усвоите то, о чем говорила Мара Федоровна.

Более того, в учебной аудитории в условиях этого сжатого временного режима, в котором работаете вы и преподаватель, нет возможности рассказать всю имеющуюся информацию об уголовном процессе и его проблемах. Но если бы вам пришлось поработать с реальным делом, то пришлось бы поднять пласт дополнительной литературы, покопаться в дополнительных нормативных источниках, поискать еще где-то там решения судов на подобные темы и в подобных ситуациях, привлечь решения европейского суда и прочее, прочее. Чтобы не просто принять решение: «Наверное, надо оправдательный приговор», а обосновать это решение, проявить профессионализм в этой самой профессиональной деятельности.

Я глубоко убеждена: до тех пор, пока мы не изменим вот эти компоненты юридического образования, мы будем буксовать на месте. Мы будем выпускать юристов, которые будут иметь диплом и даже знания, но их не будут брать на работу, потому что у них нет опыта, нет компетенции, их не подготовили к реальной профессиональной деятельности.

* Полякова Мара Федоровна – к.ю.н., доцент Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина, председатель Независимого экспертно-правового совета, член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека

Резник Г.М.*

В связи с докладом Сергея Анатольевича мне припомнилась одна давняя история. В 1963 году был принят Закон «Об изъятии дач и строений, возведенных на нетрудовые доходы». Примечателен он оказался тем, что официально отменял для владельцев этих построек презумпцию невиновности. В своей традиционной формулировке она в то время вообще-то по идеологическим соображениям отвергалась («обветшалая догма буржуазного права!»), но в советском законодательстве все же присутствовала через право на защиту, правила об обязанности доказывания и толкования сомнений. А тут владельцы всех частных построек по закону сами должны были доказывать, что соорудили их на честно заработанные деньги и законно купленные стройматериалы. Тогда видный отечественный ученый Михаил Давидович Шаргородский произнес на одном всесоюзном совещании фразу, мгновенно и на долгие годы ставшую крылатой: «Наука начинается тогда, когда говорит практике «нет!»»

Он, конечно, за это поплатился, и с должности заведующего кафедрой уголовного права Ленинградского университета слетел. Но приятно вспомнить и другое: три года кафедра оставалась без заведующего. Никто из преподавателей занимать место Шаргородского не решался — в людях тогда присутствовали сознание чести и опасение позора.

И вот сейчас вновь возникает ситуация — Сергей Анатольевич прекрасно ее описал, — когда наука должна говорить практике «нет». Университетской науке сложнее всего: она должна говорить «нет» практике на учебных занятиях, говорить об этом «нет» студентам, которые в эту самую практику придут — следователями, прокурорами, судьями, адвокатами. И эта реальная практика будет их кормить, а если они станут говорить ей «нет» — не смогут работать, система их отвергнет, вышвырнет.

Я шел сюда на научно-преподавательский междусобойчик, меня не предупредили, что будут присутствовать студенты, а здесь, я вижу, их большинство, и кроме того, они с разных кур-

сов. Выступать перед такой пестрой аудиторией чрезвычайно сложно. Решил: буду ориентироваться прежде всего на наших учеников.

Полагаю, что первая и, может быть, главная задача вузовского педагога — заинтересовать студента профессией, в нашем случае профессией юриста, показать, какое колоссальное значение она имеет для нормальной жизни, а применительно к нашей стране — для ее выживания. Где бы ни работал юрист, он своей деятельностью утверждает правовые начала в обществе. Но мы должны честно сказать молодой поросли: вы живете в стране, где право по-прежнему неуважаемо, где нарушаются права человека, где среди не только рядовых граждан, но и властной элиты, да и самих правоприменителей, господствует стремление закон обойти, где нет независимого суда, где расцвела коррупция. И мы, ваши учителя, говорим этой практике «нет».

При этом надо отметить важное изменение. Если при коммуно-советском режиме «нет» в значительной степени относилось к законодательной практике, то сейчас отрицание переместилось главным образом в плоскость правоприменения. За 15 лет в стране принято много неплохих и просто хороших законов, Конституция России закрепила приоритет прав человека, их прирожденный и неотчуждаемый характер, состязательность судопроизводства, презумпцию невиновности. А на практике тот же обвинительный уклон, нарушения прав стороны защиты, правосудие без оправданий. Словом, ситуация пореформенной России XIX в. в поэтической формуле: «Законы святы, да применители — лихие супостаты».

Мало принять хорошие законы, надо создать условия — социально-экономические, ресурсные, социо-культурные, чтобы писанные нормы стали нормами бытия. А для этого нужно сформировать правовые установки юристов-практиков, их понимание верховенства права, готовность отстаивать его в противостоянии с произволом. Законы можно поменять, но в одночасье не изменить психологию людей, она консервативна и инерционна.

Как и раньше право у нас не существует в реальной жизни как самостоятельная, чрезвычайно высокая ценность, оно подминается политической конъюнктурой, становится жертвой идеологии, циничной целесообразности. И эта реальность постоянно воспроизводится, как говорится, «не взирая» на изменившиеся тексты законов.

Проиллюстрирую такую «проклятую» закономерность двумя примерами.

* Резник Генри Маркович — к.ю.н., председатель Адвокатской палаты города Москвы, вице-президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов, заведующий кафедры адвокатуры в Правовом университете при Институте государства и права РАН.

Семен Львович Ария — выдающийся адвокат, ныне здравствующий, вспоминает. В 50-х — начале 60-х годов заместителем председателя Московского городского суда работал некий Куликов Павел Иванович. Как пишет Ария, он адвокатов не то что не любил — он их не замечал. Но у него был любимец — тоже великолепный адвокат Сергей Сергеевич Константинов, мне довелось на склоне его лет с ним немного поработать в одной юридической консультации. Известно ведь, что у каждого нациста непременно один задушевный друг — еврей. Все евреи, разумеется, плохие, но вот этот один — хороший. И как-то году в 1963-м, сразу после введения смертной казни за валютные операции и хищение в особо крупных размерах, Куликов вынес по одному делу в отношении группы антикваров — там, судя по всему, и хищения-то не было — смертный приговор больному 70-летнему человеку. Константинов стал его укорять: «Как же вы, Павел Иванович, могли больному старику смертную казнь?» И Куликов ему отвечает: «Да, конечно, прав ты, Сергей Сергеевич. Думаешь, мне его не жалко было, когда смотрел, так в процессе мучился, и потом, знаешь, пришел в совещательную комнату, подумал и решил: назначу-ка я ему наказание, применить которое не помешает ни болезнь, ни возраст». И рассмеялся...

А теперь пример свеженький, можно сказать горяченький, прямо из духовки. В июне 2006 года судья того же Московского городского суда, но уже суда другого государства — нынешней демократической России Нина Васильевна Шарапова продлевает срок содержания под стражей бывшего министра ядерной энергетики Адамова, срок предельный в 12 месяцев, который может быть продлен только в случае, когда обвиняемый не успеет ознакомиться с материалами дела. Адамов с делом ознакомился, других обвиняемых, находящихся под стражей, нет. После того как попытки Генпрокуратуры фальсифицировать ситуацию и утаить факт ознакомления Адамова с материалами дела стороной защиты были разоблачены, судья пишет в решении: «Да, Адамов, с делом ознакомился, и основание для продления предельного срока содержания под стражей отпало». Но! Она делает для данного случая исключение и далее в обоснование своего заведомо неправосудного решения ссылается на обстоятельства, законом не предусмотренные. Верховный суд России, слава Богу, это решение отменил.

Итак, 1963 год — и 2006 год. Тоталитарный Советский Союз и демократическая Россия. А поведение судей абсолютно иден-

тично — ни совести, ни следования профессиональному долгу, по принципу «чего изволите». И там, и тут политический заказ. Безвестный антиквар был заказан властью через варварский закон, но не лишавший судью выбора: смертная казнь не была безальтернативной санкцией. Недавний министр был заказан откуда-то сверху, из окол Кремлевских высот, и заказ исполняется — нарушается закон, который в силу абсолютной определенности не может быть неоднозначно истолкован. Поменялось законодательство, а в жизни ничего не изменилось.

Нашим ученикам предстоит изменить нормы в их, как выражался корифей Таганцев, «реальном бытии».

Так вот. Способность сказать твердое «нет» — неперемutable качество юриста. Своим начальникам, работодателям, клиентам. Установки юристов и заказчиков правовых услуг изначально противоречивы. Юрист — слуга закона. Заказчику наплевать, каким путем будет получен нужный ему результат. Именно неспособность сказать «нет» делает юриста нарушителем закона и соучастником преступлений. И эта неспособность в конечном счете идет во вред потребителям юридической помощи. Свежий пример — судьба самой крупной нефтяной компании страны при всей политической подоплеке этого дела. В крахе компании повинны и ее юристы.

В сравнении с формированием нравственно-правовых установок приобретение знаний права вторично.

Теперь немного об этом вторичном. Считаю, что делать акцент в обучении на технологии работы юриста принципиально неверно. Неподкрепленная практикой отраслевая детализация усваивается плохо. Беда, когда вузы выпускают юристов с пробелами в правовом фундаменте: конституционном праве, государственном праве, принципах международного, гражданского, уголовного права. Такие «кадры» оказываются неконкурентоспособными: они не смогут получить достойно оплачиваемую работу в крупных коммерческих структурах, их не возьмут не только в адвокатуру, где конкурс традиционно высок, но и на госслужбу, куда определиться становится все труднее.

Считайте мое выступление приглашением в юридическую профессию во всем ее многообразии.

Костанов Ю.А.*

Раз меня не представили, сказали, чтобы я сам себя назвал... Фамилия моя Костанов. Я адвокат, председатель одной из московских адвокатских коллегий, она называется «Адвокатское партнерство». И кроме того, член квалификационной комиссии Адвокатской палаты Москвы. Получается так, что я третий член комиссии, который здесь выступает. Начал Сергей Анатольевич, продолжил Генри Маркович, и я вот замыкающий, потому что больше членов комиссии здесь нет, к сожалению.

Вообще говоря, выступать после Генри Марковича, конечно, непросто, и после Сергея Анатольевича, и после вас, Людмила Алексеевна, всё вы правильно говорили. И мне вообще можно было бы повернуться и уйти, сказать: «Вот наш президент палаты все сказал, что я вам еще добавлю?»

Тем не менее кое-что мне хотелось бы сказать и преподавателям права, и студентам. С самого начала, когда меня сюда приглашали, мне сказали, что нужно, чтобы я высказался на тему о том, какие кадры к нам приходят и какие кадры нам нужны. Я правильно вас понял, Мара Федоровна?

Я не могу судить уж очень хорошо, какие кадры к нам приходят, потому что к нам со студенческой скамьи сразу не попадают, в принципе.

Ведущая. *Но некоторым исключение делаю...*

Костанов. Чтобы стать адвокатом, нужен определенный стаж и нужно сдать экзамен — достаточно сложный. Никакие исключения попросту невозможны — нельзя стать адвокатом, не имея двухлетнего стажа работы по юридической специальности либо не пройдя годичной стажировки. Так что сразу со студенческой скамьи в адвокатуру попасть нельзя. Как правило, это люди, прошедшие уже «горнила» и следственной, и судебной работы, и т.д.

Но вот какие кадры нам нужны, я, конечно, сказать могу. Опосредованно я могу сказать и о качестве тех кадров, которые вообще приходят в судопроизводство, потому что я имею дело и со следователями, и с прокурорами, и с судьями, и сам прокурором очень долго работал, и следователем был. И что там как получается сегодня, я очень хорошо вижу.

* Костанов Юрий Артемьевич — к.ю.н., председатель Президиума Московской коллегии адвокатов "Адвокатская палата".

Начать можно с очень разных высказываний. Вот Генри Маркович отнял у меня прекрасный пример судьи, который в 50-х годах, дабы не связывать себя соображениями о здоровье и бодрости подсудимого, спокойно назначил ему смертную казнь. Вот и здоровье не мешает, и все — голову отрубят в любом варианте.

Каждый день, когда ты приходишь в суд, каждый день, когда ты сталкиваешься с прокурорами и следователями, ты сталкиваешься со вчерашними студентами. Ведь никого, в принципе, не учат на студенческой скамье врать. Давайте называть вещи своими именами, без всяких экивоков. Врать студентов вы не учите, и официально у вас этому не учатся.

Спрашивается, почему столько откровенно врущих судей, следователей и прокуроров? И адвокатов, кстати, тоже. Вот как понять? Нам говорят: «Презумпцию невиновности он плохо понимает, плохо объяснили». Да ничего подобного. Что там особенного объяснять? Подумаешь, супервысшая математика... Несколько довольно простых правил: учти, пойми, вот надо себя вести вот так.

Что на практике? Я помню одно совершенно мерзкое, на мой взгляд, уголовное дело. Человек обвинялся в убийстве. И как у нас пишутся обвинительные заключения, а потом приговоры? Предлагается какая-то фабула, потом пишут: «Такой-то виновным себя не признал, однако его вина подтверждается: 1) Показаниями Бубликова о том-то. 2) Показаниями Сусликова о том-то. 3) Протоколом опознания и т.д.»

И вот в этом деле была такая прекрасная фраза. Была там свидетельница, которая на шум выглянула на лестничную клетку и увидела человека, уходившего к лифту, по-видимому, это был убийца. В задержанном его она, однако, не опознала. И вот появляется такая фраза в обвинительном заключении: «Подтверждается тем-то, тем-то, тем-то...» И в каком-то месте написано: «Протоколом опознания такого-то свидетельницей...» Дальше продолжение: «Свидетельница такая-то не опознала подсудимого, но доказательственное значение этого опознания достаточно высоко, поскольку у нее плохое зрение».

Задумайтесь. Она сказала: «Я его первый раз вижу, я не вижу, он это был или не он. Я вообще слепая, я без очков была в тот момент». Они говорят: «Да, это все равно доказательство его вины, и доказательственное значение сохраняется, потому что у нее плохое зрение».

Дальше эта милая фраза перекочевала в обвинительную речь прокурора в Московском городском суде. Дальше приго-

вор и, наконец (о, ужас!) — в кассационное определение Верховного суда. И вот скажите мне, они что, не знают, что ли? Вот этот пункт там слабенький, да? Ничего подобного. Там знать нечего. Не опознала — значит, не опознала. Это значит, что мы имеем сервильное правосудие на всех этапах, от следователя, до верховного судьи.

Это дело было несколько лет назад, но смею вас уверить, что и сегодня ничего не изменилось. Я только сегодня днем услышал о приговоре: семилетнее лишение свободы назначили мальчику, чья вина вообще по делу никем и ничем не доказана. Там потерпевшая сказала: «Я не могу никого опознать вообще, потому что они были в масках. Но вот у одного из этих были оттопыренные большие уши». Опознания не было, в суде обвинитель говорит: «Вот у него (это о подсудимом) уши оттопыренные!» Я говорю: «Но они у него маленькие». — «Все равно!» И вот ему дали на этом красивом опознании семь лет.

Вот что здесь такое? Отсутствие знания? Отсутствие навыков — вторая часть вашей триады? Или что-нибудь еще?

Я думаю, что на самом деле знание законов, даже навыков получения — это ремесло наше. Это то ремесло, которое должно быть у человека в руках. Никто не пустит на судоверфь, где строят красивые деревянные галеры плотника или столяра, который не знает, что такое топор. Так и нам нельзя в суд и в адвокатуру пускать человека, который не может отличить Уголовно-процессуальный кодекс от гинекологического кресла.

Мне кажется, что все эти профессиональные навыки, знания — это ремесло, оно должно быть на солидной нравственной базе, о чем мы с вами, к сожалению, забываем. У нас врущий Верховный суд... Достаточно подойти к новому зданию Верховного суда и полюбоваться этой Фемидой без повязки на глазах. По-моему, ниже опускаться уже некуда.

Когда-то один умный человек сказал, что «бывают в истории человечества эпохи (приготовьтесь, цитата длинная), когда нравственное содержание жизни умалется до крайности, до грозящих опасностью пределов... Жизнь перестает рассматриваться как долг или задача, обусловленная осуществлением, по мере сил, того добра для окружающих, побуждение к которому коренится в глубине человеческой совести». Это не какой-нибудь там богослов сказал, это юрист говорит. И дальше: «Понятия, которыми двигалось нравственное развитие и достижение лучших отношений общежития, не то чтобы упразднены, они зависимы и постепенно утрачивают свои ясные очертания и за-

меняются суррогатами, в которых есть все, исключая истинную сущность того, на место чего их стремятся поставить. Доброта заменяется суррогатом, называемым чувственностью. Чувство чести заменяется самолюбием и тщеславием. Любовь и праведное негодование уступают место симпатии и уклончивому несочувствию. На место долга усаживаются польза и удобство». Это сказал Анатолий Федорович Кони накануне наступления XX в., то бишь тому уже больше ста лет.

Что у нас изменилось сегодня? Мне думается, что изменения произошли в худшую сторону. Если там речь шла о том, что только незаметно и постепенно утрачивают ясные очертания, то сегодня все уже утрачено. Сегодня можно говорить не только о правовом нигилизме, а о правовом цинизме. Хотя бы те мелкие примеры, которые я привел по поводу презумпции невиновности, то, о чем говорили и Сергей Анатольевич, и Генри Маркович, о том самом и свидетельствуют. Это уже правовой цинизм.

Говорят, что в судебных кругах существует такая поговорка: «А ничего — не нам сидеть». Вот этот подход — «не нам сидеть» — очень страшен.

Вы знаете, и беда-то в том, что, в общем, эта нравственная основа, ведь она... Много говорят о профессиональной нравственности, о правосознании, но не будем сейчас в эту теорию, там много непонятного и сложного, между прочим, и даже наши теоретики не все там правильно рассуждают и расставили все точки над «і». Но скажем о нравственности. Расскажите, пожалуйста, а что, нравственными должны быть только юристы? А как с учителями, например? Если мы из школы получаем детей, которые, глядя на своих учителей, научаются врать грубо, легко и просто? Когда учитель ему выставляет положительную оценку, для того чтобы у него были хорошие показатели, чему научается этот школьник? Не бывает ли в вузах таких вещей, когда ученика тянут до пятого курса, до диплома, только для того чтобы не портить какие-то показатели или что-то еще?

И в итоге мы получаем людей, которые знают, что врать можно, и так жить легче, а это на самом деле действительно так — легче прожить совравши. Потому что каждый раз отстаивание своей позиции вынуждает человека вступать в какие-то баталии. И это не так просто, между прочим, и прямо скажу, что очень часто начальство начинает косо смотреть, и в суде на любой год службы это иногда выходит боком. И если это уж в суде, вы выбрали такую профессию, то решайте сами, «для сердца вольного

среди мира дольного есть два пути, сам выбирай, каким идти». Значит, или вы станете честными людьми, а это тяжело и трудно, и на этом пути медалей не сыскать себе. Или, пожалуйста, зарабатывайте себе медали, хорошее жилье, большие заработки, что угодно еще, но тогда уж не обессудьте, если кто-нибудь вам иногда и в лицо скажет слово «подлец», которое, к сожалению, сегодня звучит реже, чем следовало бы. Потому что если бы, в принципе, в обществе появилось, наконец, возвратилось бы, наконец, достаточно жесткое отношение к людям нечестным и к людям подлым, то, наверное, нечестности и подлости стало бы меньше.

Много ли сегодня случаев, когда человек не подает руки подлецу или перестает с ним здороваться? Вот только что об этом говорил мой предшественник на трибуне, что вот такое нормальное поведение для честного человека уже расценивается чуть ли не как подвиг. А почему? Почему это подвиг? Это нормальное поведение нормальных людей. Мы забыли о том, что такое бойкот нечестных людей, как относиться ко всему этому, к сожалению. Это очень плохо, когда страна в целом живет по не очень честным законам.

Мне думается, что сегодня студентов надо обучать не только знаниям законов позитивного права и судебной практики, обучать не только уважению к закону, но и критическому отношению к закону. Потому что иначе никаких честных юристов мы не получим.

Смотрите, мы все время говорим, вот что такое средняя дипломная работа или даже диссертация? «Вот закон такой-сякой хороший...» В крайнем случае, в диссертациях еще можно найти какие-то предложения *de lege ferenda*, а в дипломах уже нет, уже все, мы хвалим законы. За что хвалить? Вы посмотрите, кто у нас депутаты. А ведь какие мы, такие и депутаты, мы их выбрали, и не надо никаких поправок на то, что время тяжелое, время мы сами делаем. Вот мы их выбрали, юристов там вообще, я знаю, 3–5 человек, может быть, есть, а может быть, и больше по диплому, но невежественных людей там гораздо больше. Вы посмотрите, что они принимают...

Реплика. А мы видим.

Костанов. Вот мы видим не все. Я вам расскажу одну маленькую байку, которую мало кто видел и знает, я знаю того человека, который к этому прикоснулся.

Когда принимали УПК, приняли, и он уже успел вступить в силу... Посмотрите, там есть ст. 30 — ею компетенция суда опре-

деляется. Там была такая норма. Если грозит наказание до 10 лет, судья единолично может рассматривать дело, а если свыше 10, то, по заявлению подсудимого, или коллегия федеральных судей, или суд присяжных. И все.

Я когда прочитал, у меня, естественно, как у ползучего эмпирика, возник простой вопрос: «А если он не написал никакого заявления и ни о чем не просит, а грозит ему 15 лет, кто его будет судить?» Судья единолично не может, и те коллегии тоже не могут, получается.

Ну, удивившись, а я контактировал тогда с фракцией «Яблоко» в Думе, я подготовил такой достаточно мягкий законопроект на эту тему и сдал «яблочникам». Они: «Как это? Не может быть, чтобы нельзя судить!» Ну, посмотрите сами, пожалуйста. Мадам Мизулина, отвечавшая за «прохождение» УПК, сказала, что он обязан написать, он должен написать заявление. «Ну, кому он должен? Кому должен подсудимый?» — «Его тогда судить не будут!» — «А он и не торопится. Зачем? Ему грозит 15 лет Магадана, а он сегодня сидит в хороших условиях в “Матросской тишине” (условно хороших, конечно). Не должен он никому».

Значит, мои «яблочники» взяли это все, и пошли советовать к Козаку, который тогда был чуть ли не самый главный по этой части. Козак посмотрел и говорит: «Ай-яй-яй, какой позор! Как же мы могли пропустить! Не надо вам вносить этот законопроект, мы сами поправим». Поправили. Это ведь речь идет об уже вступившем в силу кодексе. Поправили. Там, если вы помните, около 70 статей было исправлено уже после того, как он вступил в силу. Поправили. Теперь судья единолично может назначить лишение свободы до 20 лет. Вот и все. Вот вам коллегияльность и т.д.

Я уж не говорю о том, что в нашем кодексе начисто исчез принцип объективности и беспристрастности суда — принцип, зафиксированный в Европейской конвенции. Почему он у нас исчез?

А у нас изначально была такая норма в кодексе — если судья решал вопрос об аресте, то это основание для его последующего отвода, он не имеет права участвовать больше в этом деле в отношении того же человека. Это совпадает с практикой Европейского суда, и это правильно, потому что, конечно, если он кого-то арестовал, у него уже в голове сложилось мнение о какой-то его виновности. А потом мы вдруг догадались, что в нашей стране около трети судов односоставные, и там один судья во-

обще, и еще около трети (примерно я говорю, конечно) — двусоставные, и соблюсти эту норму невозможно.

Есть три варианта. Или надо назначить новых судей побольше, или сделать то, что сделали, то есть убрать из УПК это основание для отвода. Именно это и сделали, презрев всякие принципы. Был еще один вариант — вообще ускорить судопроизводство, закрыть глаза на все принципы и т.д. Это делается очень просто, это у нас уже было: ночью схватили, утром судили, вечером расстреляли, без всяких жалоб, без ничего. Но очевидно, что это нам не подходит.

Вся беда в том, что в нашей стране (и это не только в судопроизводстве) вообще организационные и материально-технические соображения всегда выше принципиальных соображений, соображений защиты прав человека, в любом варианте. Посмотрите, что делается в судах, что делается в УПК, где угодно.

По-видимому, здесь нужно, имея в виду чисто преподавательские задачи, больше внимания уделять практике Европейского суда и вот этим принципиальным позициям. Чтобы выходили люди с юридическим дипломом, у которых в голове, во-первых, вот это — права человека, принципы. Завтра он попадает в Думу, попадет в Верховный суд, куда угодно. Будут ему говорить, что нет, вот здесь не хватает судей, и потому, допустим, можно, чтобы судья повторно участвовал в кассационном заседании (вот сейчас мы обжаловании эту норму в Конституционный суд). И он бы сказал, нет, гораздо важнее потратить еще 10 копеек, назначить еще одного судью, но чтобы этого не было, чтобы суд был объективный и беспристрастный. Потому что пристрастный и необъективный суд — это не суд, это произвол. Это совершенно очевидно.

И тогда у ваших и наших студентов в голове и в сердце будет, что произвол для них неприемлем, на какой бы должности он ни стоял. Да пусть ему сулят золотые горы, а он не будет там работать, потому что его заставляют врать и сажать невиновных людей. Потому что его заставляют говорить, что ближе Магдана места в колонии нет для такого-то осужденного. Между прочим, это Ходорковский один известен вместе со своими соучастниками, но ведь таких дел в принципе не одно по стране. У меня сейчас один есть, его назвали террористом, поэтому ближе Иркутска для него места, оказывается, нет.

Вот, собственно, все, что я хотел добавить.

Вицин С.Е.*

Дорогие коллеги, не скрою своего сожаления, мне не удалось прибыть сюда к началу обсуждения этих проблем. И я догадываюсь, что самое главное здесь было сказано до того, как я пришел, это заметно по ходу обсуждения.

Я вошел в тот момент, когда Лидия Алексеевна произнесла слова, что определенную категорию юристов, речь шла о юристах-практиках, не научили чему-то. Вы знаете, простите меня, профессор Воскобитова, я скажу, что дело не в том, чтобы научить. Может быть, в лучшем положении окажутся те, кого именно не научили тем догмам, которые сопровождали всю так называемую советскую науку права. Вот в чем дело.

Главное, что учились совершенно не тому. И здесь в выступлениях коллег это прозвучало. И самое главное, что, действительно, развитие любого социума, любого общества характеризуется определенной и очень значительной инерционностью.

Я позволю себе такой пример. Мы десятилетиями привыкли к тому, что у нас есть Политбюро — 5–6 человек, которые все решают. Привыкли мы к тому, что наши парламенты — это карманные учреждения. Привыкли мы к тому, что наше правосудие — это управляемое правосудие. Я не хотел бы быть слишком критикански настроенным, но я тоже догадываюсь, что многие насущные проблемы нашей социальной жизни, государственной жизни решаются также, вероятно, 5–7 людьми.

Я ни в коей мере не хотел бы выступать с критической оценкой моего бывшего министра Бориса Вячеславовича Грызлова, но я не могу не сказать, что, когда министром внутренних дел был Грызлов, преступность сократилась на 15% за один год. Теперь она возросла в два с лишним раза. Ну, кто поверит этой статистике, но, тем не менее, это ведь факт. Ну, и говорить об управляемом правосудии, наверное, излишне.

И дело не в том, что наши судьи столь покладисты. Дело в том, что они так привыкли. И, я полагаю, что когда готовилась

* Вицин Сергей Ефимович — д.ю.н., генерал-майор внутренних войск, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор Университета МВД, действительный член Российской Академии естественных наук, заместитель председателя Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ, эксперт Совета Европы по вопросам реформы Российской судебной системы.

концепция судебной реформы, и, наверное, Сергей Анатольевич меня здесь поддержит, судейский корпус охотно воспринял те новые преимущества, которые принесло новое время. Но судейский корпус, пусть меня простят, вовсе не спешит стать независимым, по-настоящему принципиальным и объективным. Та позиция, к которой тяготеет большая часть судейского корпуса, устраивает наших уважаемых судей.

Сегодня в корне изменилась парадигма представления социально-экономического развития, а мы не хотим этого замечать. Это неудобно. Гораздо привычнее преподавать то, что преподавали двадцать, тридцать, сорок лет тому назад — это удобно. Я слышу, что преподается в учебных заведениях, где я преподаю, я слышу, что доносят до современной аудитории мои коллеги: они говорят то же самое, что они говорили 20 лет тому назад: право — это совокупность норм, право — ничто без аппарата, способного принуждать к выполнению норм права. И вот эти постулаты передаются от поколения к поколению.

Я приведу, возможно, несколько своеобразный пример. События, которые произошли на исходе прошлого века, тысячелетия, изменили картину мира. Впервые в нашей истории, в советском периоде нашей истории, во всяком случае, мы получили Конституцию. До того Конституции не было, не удивляйтесь, были декларации, совершенно ненужные... Ну, может быть, и нужные политической элите, но ничем не обеспеченные. Не было ни Конституционного суда, да и самого термина «конституционное производство» вообще не существовало. Но ведь эта инерция продолжается, она идет, идет и идет.

И вот здесь я хотел бы обратить внимание коллег и юных коллег на то, что юристы в нашей стране зачастую не свободны от того, что называется профессиональной деформацией личности. И эта деформация личности закладывается с младых ногтей, со студенческой аудитории.

Дело в том, что если поговорить со студентом, будущим юристом, с юристом, который 30–40 лет преподает, с молодым преподавателем, то мы всегда на первом месте услышим слова «государство» и «право». У нас даже сейчас, по-моему, такого предмета уже нет — «Теория государства и права». Ну, нет такой общей теории, и не может ее быть. Можно говорить о теории государства как политической организации общества, безусловно, можно говорить о теории права, но нет единой теории государства и права!

Еще 30 лет тому назад болгарский юрист Ненавский (он недавно умер), писал, что нет такой общей теории. Кстати, его книга «Преемственность в праве» выходила и на русском языке. Но нет, мы до сих пор мы думаем, что есть общая теория.

А что из этого следует? А из этого следует, что право — это эманация, так сказать, государства, и право постольку право, поскольку за ним стоит человек с дубиной, с топором или с ружьем. Но ведь это не так. Право — высочайшая социальная ценность, в которой далеко не первое место занимает такая его характеристика, как принудительный характер правовых норм.

Вспомним архонта Солона, который давным-давно сказал: «Право настолько совершенно, насколько люди готовы его соблюдать». И право должно отвечать социальным ожиданиям, право должно находиться в максимальной гармонии с теми обычаями, внеправовыми социальными нормами, которые в этом обществе есть.

Опять-таки, обращаясь к цитированию древних, скажу, что обычай сильнее законов. И мы должны это помнить. Нет, мы считаем, что государство — это главное, что есть в социуме, и право — это главное, что есть в социуме. Не заблуждайтесь, юные коллеги, это не так.

Кстати, в речениях многих наших государственных деятелей, парламентских лидеров слышим упования на государство: «Вот давайте норму примем, введем уголовную ответственность — проблема будет решена». Ну, это совершенно несерьезный подход.

Вот сейчас я в газетах вижу призыв к тому, чтобы за изображение свастики давать три года лишения свободы. Да зная озорной характер моего народа, я думаю, что свастику все школьники будут рисовать везде. Вот учредите такой запрет — и будет такой эффект. А зачем это надо? У нас и так Уголовный кодекс перегружен теми нормами, которые не успели убрать дополнениями к закону от 8 декабря 2003 года. До сих пор, например, за нарушение патентного законодательства, сейчас об этом немало говорят, у нас несут уголовную ответственность. Где такая норма осталась? В Китае и в России. Достаточно административной ответственности, достаточно гражданской ответственности.

Причем, ведь гражданское судопроизводство может наказать человека гораздо более строго, чем даже уголовный закон. Я полагаю, что начинающего бизнесмена угроза получить штраф 2 млн долларов была бы гораздо более серьезным предосте-

режением, чем угроза получить два года за уголовное правонарушение.

Мне в руки как-то попал один материал — обращение в европейские судебные инстанции. Речь шла о привлечении одного человека к уголовной ответственности за невозврат кредита. Этот человек достаточно благоразумно удалился за пределы нашей страны. Объявляют его мошенником. Ну, когда следователи прокуратуры пишут, что невозврат кредита — это преступление, я понимаю, что можно найти норму, можно ввести эту норму. Но одно дело, если это получение кредита с заранее сформированным умыслом не вернуть его — это мошенничество, а другое — невозврат кредита... Кстати, есть и европейские нормы, которые предусматривают, что нельзя лишать человека свободы в том случае, если он не смог в силу каких-то обстоятельств вернуть деньги.

Но это отступление.

Говоря, о предпочтении наших юристов и политических деятелей уповать на государство, нужно понимать, что государство — это фантом. Государство — это фактически чиновники — термин, который прочно вошел в наш политический лексикон. И зачастую чиновники недобросовестные, необразованные, пораженные коррупцией. Нет государства вообще, есть конкретные личности, которые его представляют.

И поэтому, уважаемые коллеги, призываю вас обратиться к тем научным и нравственным терминам, которые можно почерпнуть у классиков. Я имею в виду философа Гегеля. В философии права говорится, что есть категория гражданского общества. Все чаще и чаще мы слышим этот термин, в том числе и в речах президента, в выступлениях других лидеров государства. Так вот давайте поймем, что в иерархии социальных ценностей гражданское общество выше государства. А традиция, добрая традиция, тем более выше законов.

То, что права и нормы пасуют перед традицией, очень легко доказать. С какой это стати в Конституции, в первую очередь, затем в других нормах, в Уголовно-процессуальном кодексе указано, что человека нельзя заставить давать показания, если он в данном случае вынужден каким-то образом дать сведения, которые ему невыгодны? Статья 51 Конституции, я напомним: «Никто не обязан свидетельствовать против близких, себя и т.д.». А почему эта норма входит в правовую систему многих стран, в том числе и России? Да потому что любой понимает, что иное будет отторгнуто, отвергнуто, поскольку в этой конкуренции традиционная этиче-

ская норма выше, чем норма права. И человек предпочтет чаще всего пойти в тюрьму, чем оговорить отца, брата, сына и т.д. Вот эти примеры очень хорошо показывают, каково соотношение социальных, нравственных норм и правовых норм.

В художественной литературе есть множество примеров того, когда человек готов претерпеть уголовное наказание, но он не поступится честью. А честь — нечто неосязаемое, нечто, в общем-то, не приносящее непосредственно тут же каких-то дивидендов, доходов.

Общество, гражданское общество, открытое общество, по Гегелю, это не что иное как реализации идей свободы, собственности и их правовая защита. Все три компонента есть у Гегеля. А вот государство-то и должно в данном случае (конечно, государство, которое не без основания является правовым) обеспечить и свободу, и собственность любого гражданина, любого члена общества.

Очень важно в этом смысле обратиться к истории. Уверю вас, что гражданское общество — конечно, структура, система тоже не застывшая, меняется гражданское общество. Но она меняется гораздо медленней, и она гораздо более устойчива, чем государство.

Уважаемые юные коллеги, вспомните и попробуйте перечислить, сколько государств было в нашей стране на протяжении прошлого века? Я насчитал пять или шесть, причем совершенно различных государств. А мы, народ, что, изменились радикально? Нет. Я догадываюсь, что российское гражданское общество сформировалось в основных чертах в пореформенный период, в конце позапрошлого века. У нас тот же язык, та же религия, которая удивительно быстро восстановила свои социальные позиции, та же культура, в том числе и правовая, в основных чертах, те же этические нормы. А государств сколько прошло по нашей стране за это время? И рабоче-крестьянское, и общенародное, и правовое, и российская империя, и российская республика с февраля 17-го по октябрь 17-го — отрицать это невозможно.

Возьмем другой пример. Кто мог описать великую германскую культуру? Как писал Блок: «Нам внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Так вот нация — носитель германского гения в смысле Гегеля, которая совсем недавно была представлена полдюжиной государств. А что их литература, культура, традиции? Они сохраняются теми же самими.

Вот этим я и хочу подчеркнуть, что не надо говорить и уповать, что государство что-то решит, что-то сделает. Нет. Гражданское общество выше в иерархии ценностей, социальных ценностей, нежели государство. И оно более долговечное, это гражданское общество. А отсюда вот то, о чем здесь многие говорили.

И если юристы не усвоят это, то они, в общем, и будут юристами-нормативистами. Ведь мы учили не идеям права, а нормам, а нормы меняются. Я не скажу, что я очень старый человек, это зависит от того, как смотреть, но я работал, по крайней мере, по трем уголовным кодексам, причем совершенно различным.

Так что ж, где право? Изучать каждый из этих кодексов? Люди должны усвоить идею права. А научить человека писать или исполнять приказы менее сложно, чем научить его понимать, насколько тот или иной закон является правовым.

Извините, боюсь, что я утомил вас своими рассуждения, но я хотел бы также упомянуть и о такой сфере как борьба с преступностью, сфере мне достаточно близкой, поскольку я работаю на кафедре криминологии. Причем работаю уже очень много лет, и, сколько я себя помню, все время говорится о росте преступности. Вот она растет, растет, растет... Но где-то должен быть естественный предел? Не знаю, каков, но он есть. И вот теперь обнаруживается, что какая бы ни появлялась новая работа по криминологии, она всегда связана с борьбой с преступностью. А борьба с преступностью — это раньше расстрел и тюрьма, теперь главным образом тюрьма. Хотя теперь, по моему, меньше наказаний, связанных с лишением свободы, чем наказаний, не связанных с лишением свободы. Это, конечно, уже великий прогресс.

Есть такой анекдот довольно распространенный: что бы там ни делали на оборонном заводе, выпускающем по конверсии какие-то электроприборы, всегда получается автомат Калашникова. Вот наши криминологи и наши юристы, что бы они ни говорили, всегда требуют: «Усилить наказание, ввести лишение свободы». И это главное, что они видят.

То есть мы воспитываем на ленинском постулате о том, что право ничто без аппарата, способного к принуждению норм права. Постулат, за который наш народ заплатил высокую цену. Поэтому говорить, что мы успешно строим правовое государство можно только тогда, когда происходят изменения в самой правовой идеологии, правовой культуре.

В заключение один пример. Многие юристы говорят, видимо, оно так и есть, когда Германия объединилась, я имею в виду ГДР и ФРГ, то весь судейский корпус восточной Германии, не в один день, вероятно, но подал в отставку и ушел, его не стало. Разумеется, это не более чем пример. Но, видимо, для того, чтобы изменить правовую культуру, изменить систему права, надо постепенно (конечно, я надеюсь, в наших условиях так и будет) заменить носителей этой правовой идеи, которые, увы, и до настоящего времени несут в себе вот этот нормативный характер направления в праве, которое для нас было традиционным.

Челнокова Т.Е.*

У нас специфический вуз. Он существует 75 лет, а факультет международно-правовой очень молодой, ему всего 8 лет, было всего три выпуска и восемь наборов. У нас на факультете три кафедры: публичного права, частного права и теории и истории государства и права.

Вуз специфический и студенты тоже специфические. И у нас очень много специфики в учебном плане. Например, мы преподаем международное частное право, которое, в общем-то, редко где читается. Есть у нас, уважаемые коллеги, правовое регулирование внешней торговли — тоже редкий предмет. Можно сказать, что все предметы, которые у нас читаются на факультете, они, построены особым образом. Если, например, читается трудовое право Российской Федерации, то параллельно мы даем трудовое право зарубежных стран.

Сегодня здесь я услышала блестящее выступление Сергея Анатольевича Пашина. Мне очень понравилась вот эта триада: знания, навыки и качества, — чему учить студентов. И я бы применила это и к преподавателям. Кто учит наших студентов? А судьи кто, коллеги, в плане преподавания? И вот, если говорить о знаниях, навыках и качествах, то сразу назову Михаила Григорьевича Розенберга, которого знает не только Российская Федерация. У нас есть вечернее отделение, куда приходят юристы, окончившие МГУ и МГИМО. Я поинтересовалась у них, почему они хотят у нас учиться? — «А нам интересна ваша специфика, мы хотим услышать Михаила Григорьевича Розенберга». Он, слава Богу, жив-здоров, ему много лет. Вот образец и знания, и навыка, и качества.

Или Нина Григорьевна Вилкова, которая читает курс международного частного права. Наверное, трудно найти другого такого преподавателя по этому предмету в других вузах. Или, например, Александр Сергеевич Комаров, который возглавляет Международный коммерческий арбитражный суд. Конечно, эти люди не всегда находятся в Москве и я, как декан, очень сожалею об этом. Они то в «Париж-12» читают лекции, то где-то в других университетах за рубежом. Но все равно они есть, и это составляет привлекательность нашего факультета, к нам идут.

Итак, когда мы говорим о знаниях, навыках и качествах, нужно начать с преподавателей.

На нашей конференции присутствуют и студенты. И вот чему их учить? Я скажу несколько слов, свое личное мнение выражу.

Во-первых, навыки. Сегодня с навыками, конечно, сложно, потому что курсы короткие. И с навыками еще сложно потому, уважаемые коллеги, что у нас очень мало практических занятий. Поэтому планы нужно менять и вводить больше практических занятий. Практических занятий должно быть, столько же, сколько и лекционных. Потому что именно на практических занятиях студенты учатся говорить, они учатся выступать, и, что, на мой взгляд, особенно важно, они учатся задавать вопросы. Иногда, коллеги, задать вопрос сложнее, чем просто быть райской птицей.

Следующее. У нас в нашей сфере много юристов-практиков, их нужно все приглашать.

И, конечно же, вырабатывать, действительно, навыки. Здесь уже говорилось, что нужно возобновлять кружки, где обсуждать гражданские позиции, говорить о многих очень интересных вопросах.

И еще, преподавание пойдет на лад, когда мы будем любить студента. А любить — это что значит? Мне кажется, каждый преподаватель должен уделить внимание той аудитории, перед которой выступает, хотя бы пять минут, прежде чем начать читать предмет. Мы не должны выходить и талдычить что-то сразу.

У меня много позиций на этот счет, но на этом я закончу свое выступление. Спасибо за внимание.

* Челнокова Тамара Евгеньевна — к.ю.н., профессор кафедры частного права, декан Международно-правового факультета Всероссийской академии внешней торговли.

Зименкова О.Н.*

Спасибо большое за возможность выступить, к сожалению, за недостатком времени я выскажусь очень коротко.

Мне кажется, что мы здесь собрались вовсе не для того, чтобы общаться со студентами, хотя хорошо, что они тут сидят, а в большей степени для того, чтобы пообщаться между собой.

Ведущая. Конечно.

Зименкова. Поскольку мы, здесь собравшиеся, из очень разных вузов, из очень разных учреждений, и нам интересно сейчас подумать о том, как вообще у нас движется наше юридическое образование, что там происходит и что там не происходит. И поскольку предварительно мы говорили с Марой Федоровной Поляковой, о том, что будет обсуждаться вопрос развития науки в вузах, то замечу, что этот вопрос сейчас важен, как никогда. На этом собрании я выступаю в личном качестве, поскольку вуз, где я работаю, меня никак не уполномочил. Я пришла сюда, чтобы делиться с вами своим собственным мнением. Думаю, что и другие участники встречи представителями своих вузов не являются.

Ведущая. Да, не являются, конечно.

Зименкова. И не надо на себя брать такие полномочия, так мне кажется, потому что было бы странно.

В отношении того, как движется или не движется юридическая наука, у меня есть несколько соображений. В советские времена, когда мы сами были студентами, во всех вузах существовали так называемые научные студенческие общества. Потом, к сожалению, у нас в вузах сложилось очень тяжелое финансовое положение, когда не было бюджетного финансирования, об этих научных студенческих обществах забыли. Вузы занимались «выживанием». Я помню, что раньше научные студенческие кружки были на всех кафедрах, все это как-то было регламентировано (формально — не формально, это другой вопрос), но, в общем, когда-то с нас спрашивали, чтобы мы, студенты, куда-то ходили и какие-то доклады делали. Так или иначе давалась возможность хоть в каких-то дискуссиях участвовать, помимо обычных семинарских занятий.

Не знаю, как в других вузах, но вот я знаю, в вузах, где я работаю, сейчас со студенческими обществами так хорошо дело

не обстоит. Хорошо, если какая-то кафедра открывает какую-то тему для себя, в рамках которой проводятся дополнительные занятия со студентами в том плане, чтобы их приучить к науке, может быть, хотя бы научить самостоятельно писать какие-то работы.

То, что я наблюдаю по письменным работам студентов, к сожалению, это сплошной плагиат. Редко можно встретить работу, из которой видно самого студента. К сожалению, мы, преподаватели, сейчас вынуждены, я думаю, что это общее мнение, буквально сравнивать тексты, представляемые студентами в качестве курсовых работ, рефератов и даже дипломных работ, с текстами, существующими в Интернете. Разводишь руками и думаешь, что же делать, такой поток плагиата идет. Списывают друг у друга, из Интернета и даже не думают, что пишут. Когда начинаешь задавать вопросы, откуда ты это взял, откуда ты такой источник нашел, в какой библиотеке сидел, занимался, ответа не получаешь, потому что никогда в жизни в библиотеке не был, ничего не делал.

У меня складывается такое представление, что сегодня самообразование, студенческое юридическое и научное образование, совершенно потеряло некую качественную составляющую. Самокритично скажу, что многое также зависит и от преподавателей. Если честно сказать, то сколько на нас, преподавателей, можно навешивать дополнительной работы? В прежние времена нам, преподавателям, вменялось заниматься студенческими научными кружками, а сейчас дополнительные нагрузки при отсутствии должного финансирования никак не поощряют дополнительных занятий со студентами.

К сожалению, не вижу и особого импульса для развития студенческой научной мысли. Если, действительно, нет какого-то стержня, какой-то хорошей идеи, лежащей в основе, то, пожалуй, и трудно было бы куда-то двигаться. Это, наверное, и в техническом образовании сейчас так же происходит, хотя в технических вузах, может быть, как-то иначе ведется научная работа, я не знаю, может, там иначе все устроено, там мозги работают иначе. А вот с нашим гуманитарным образованием это так.

Меня порадовало в свое время, что не студенты, которые хотят приобрести углубленные знания по проблематике прав человека, действительно самостоятельно обдумывали предложенные им темы и примерно процентов 40 из них писали самостоятельные работы. Все остальные также переписывали чьи-то рефераты. Но вот к тому, что живая тема порождает

* Зименкова Ольга Николаевна — д.ю.н., профессор кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений.

живую мысль. И, очевидно, сам процент самостоятельности отражает общую тенденцию.

Тема юридической науки, как и любой другой науки, — это тема болезненная в настоящее время. Научные работники, наверное, самые малообеспеченные работники. Но имеется и иная тенденция. Посмотрите, сколько всякой юридической литературы сейчас публикуется. Но когда читаешь комментарии к законам по своей проблематике и даже монографии, иной раз просто за голову хватаешься и думаешь: «Что же тут такое написано? Законодатель этого, в общем-то, и не имел в виду». Скажем, в такой узкой сфере, как внешнеэкономическая деятельность, международный коммерческий арбитраж, которой я занимаюсь, точно понимаешь, каким авторам можно доверять и рекомендовать их произведения студентам, а в отношении каких совершенно точно испытывать доверие невозможно, потому что нет в их работах научной мысли.

В завершение хотелось бы сказать, что наука развивается тогда, когда имеются к этому предпосылки. В вузах, к сожалению, это делается очень неважно и плохо, а без этого, наверное, не происходит смена поколений. Наше поколение уже сходит со сцены, и в ряде отраслей правовой науки замены не наблюдается.

Ведущая. *Мы с вами создаем школу молодых ученых.*

Зименкова. С радостью, займемся этим важным делом. Спасибо вам.

Заключительное слово

Пашин С.А. Я благодарю организаторов этого мероприятия, своих уважаемых коллег-юристов, а также любознательных студентов, которые, не покинув аудиторию до конца дискуссии, явно оказались жертвами собственного энтузиазма.

Ведущий. *Но я думаю, что они окупятся, эти жертвы.*

Пашин. Будем надеяться. Помнится мне, Фонвизин в последние годы своей жизни требовал, чтобы лакеи подвозили его в инвалидном кресле к выходящим из аудиторий после лекции студентам. Он потрясал палкой и кричал: «Молодые люди, никогда не занимайтесь литературой! Вот что она со мной сделала!» Иногда мне хочется поступить так же, завещав молодым людям: «Никогда не занимайтесь юриспруденцией».

Мои уважаемые коллеги после моего доклада перевели тему образования в этическую плоскость. И речь шла уже не об образовании юриста, а о воспитании человека, ибо в нашей профессии многое решается не юридическими средствами, а постигается сердцем.

Но я отчетливо понимаю, что мы не можем заставить вас или кого-то еще ценить компетентность, ибо многие люди жаждут успешности, а не компетентности. И если юридическая компетентность не востребована, а юридические факультеты остаются «факультетами ненужных вещей», как писал в свое время Юрий Домбровский, то заставить человека корпеть над книгами там, где достаточно конвертов с «зелеными», очень трудно.

Возникает тогда вопрос: что делать-то? Я говорил, что в сознании нынешних юристов присутствуют сгустки профессионального понимания, которые верно квалифицировать как инквизиторские, устаревшие, этатистские. Наряду с государственно-любимым в профессиональном сознании отечественных юристов представлены далекие от права групповые, ведомственные ценности, дремлют в нем до поры метастазы архаических учений советского и предшествующих периодов, в частности, пережитки формальной теории доказательств. Я также говорил, что современная юридическая компетентность предполагает непереносимое признание того, что юрист работает в виртуальном мире, и потому пора переходить от парадигмы, связанной с естественнонаучным пониманием истины, к деятельностной парадигме, где нашу истину мы производим сами, исходя из нашей позиции, пользуясь заданным набором средств. К сожалению, в дискуссии по докладу эта тема не получила развития,

но, возможно, когда-нибудь она заинтересует аудиторию.

Заставить человека выбрать Конституцию, а не севрюжину с хреном, нельзя. Это Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин писал, что русский либерал-интеллигент все время размышляет, что бы предпочесть: Конституцию, севрюжину с хреном или ободрать кого-нибудь. А уж когда обдерет ближнего, благонамеренным прикинется и севрюжины наестся, то тут уж и о Конституции задумается. Так-то оно так, конечно.

Но вот над чем бы я просил бы вас задуматься. В ходе судебной реформы выяснилось, что те самые заскорузлые советские судьи, которых критикуют и осмеивают правозащитники, неожиданно восприняли душой возрожденный в России суд присяжных и многие связанные с ним светлые правовые идеи. Сейчас эти «камикадзе» задвинуты, уволены, в общем, пострадали от своих демократических предпочтений и гражданственных поступков. Прогрессивные юристы берутся не из ниоткуда, как говорил Генри Маркович Резник, а потенциально существуют; надо только найти живое слово, которое их разбудит, плодотворную идею, которая привлечет их на ниву общественного служения. Постарайтесь сохранить живую душу и овладеть юридической компетентностью, хотя бы про запас. Благодарю вас.

Письменные доклады

Фомин Н.С.*

Социально-педагогический аспект проблем современного правового образования

Анализ проблем современного правового образования в подавляющем большинстве связывается с подготовкой специалистов к нормотворческой и правоприменительной деятельности. В этом контексте особый акцент делается на необходимость улучшения содержания правового образования и повышения его качества.

Вместе с тем, разработка законов и их применение предполагает обязательное наличие и правоприменительной деятельности, определенной готовности субъектов правоотношений по своему уровню воспитанности следовать предписаниям норм права, выражающих интересы всех и каждого одновременно.

Данное обстоятельство вытекает из: социально-правового статуса личности в структуре высшей исторически сложившейся общности индивидов-тружеников (государства); органического единства Морали, Нравственности и Права; того, что образование — это педагогическое явление, которое тесно взаимосвязано с воспитанием и входит сущностным элементом в его структуру.

Правоисполнительная деятельность конкретной личности неотделима от ее отношений к: обществу; социально-трудовому коллективу; другим людям из различных социальных групп; самому себе как представителю определенного социально-экономического класса. Характер же этих отношений предопределен объективным существованием пяти форм собственности (общественной, государственной, классовой, коллективно-кооперативной, частной), их закреплением в различных отраслях права, а также развитостью государства как социального института. Ибо государство есть высшая исторически сложившаяся общность индивидов-тружеников с динамичным саморазделением ее на социально-экономические классы, категории (сословия) и социальные группы на основе дифференциации труда и его обобществления с четко организованной системой контроля за мерой труда и мерой по-

* Фомин Николай Степанович — доктор педагогических наук.

требления на принципах социального равенства и справедливости.

В другом случае правоисполнительная деятельность человека связана с целостностью механизма социальной регуляции поведения человека, основывающемся на единстве Морали, Нравственности и Права. Мораль – это форма общественного сознания, в которой отражен опыт оптимально-идеального поведения человека в его различных сферах жизнедеятельности, в виде научных воззрений и этических теорий, кодексов чести, традиций и обычаев, принципов, норм, правил и требований. Нравственность – это оценочная категория степени соответствия поведения конкретного человека нормам, правилам и требованиям морали. Право – это обязательная нравственность, возведенная в закон и обеспечиваемая силой государственного принуждения. Следовательно, система законодательства содержит в себе не только технологии его применения, но и предполагает необходимый объем воспитательных сил и средств, который должно затратить общество, для достижения известного паритета государственного принуждения и внутренней готовности самого человека следовать предписаниям правовых норм.

Таким образом, говоря о проблемах современного правового образования, следует более обстоятельно обратить внимание на воспитание как педагогическое явление и его сущностную характеристику.

Сущностно-содержательное наполнение воспитания обуславливается методологическим уровнем познания, взаимосвязано с сущностью человека, характером его общественного сознания и со спецификой диалектического единства всеобщего и единичного.

Воспитание есть постоянное возобновление отражаемой в структуре общественного сознания человеческой сущности. В общественном разделении труда это возобновление носит характер воспроизводства. Оно осуществляется специализированными подразделениями индивидов, имеющими статус различных образовательных институтов, через обучение, формирование, развитие и социализацию новых поколений людей в социально-классовой структуре государства. Причем воспитание как: организация — это обучение; процесс — формирование; функция — развитие; качественная определенность, ориентированная на соответствующую социальную энергетику — социализация; структура — образование.

Обучение есть разностороннее взаимодействие воспитателей и воспитанников. Если взаимодействие носит предметно-эмоциональный характер, то воспитателю отводится роль производителя какого-то вида продукции, а воспитаннику - потребителя: происходит профессиональная ориентация на конкретный вид предметной деятельности в структуре общественного сознания. При вербальном взаимодействии воспитатель - это рассказчик, а воспитанник - собеседник: идет передача знаний из структуры общественного сознания по предмету совместной деятельности. Визуальное взаимодействие предполагает передачу умений, когда воспитатель выступает в роли демонстратора, а воспитанник - наблюдателя. Необходимым в обучении является ситуационное взаимодействие, при котором воспитатель как тренер передает навыки воспитаннику как партнеру. Передача привычки в обучении осуществляется при социально-игровом взаимодействии. Здесь воспитатель - наставник, а воспитанник - игрок в определенной социальной роли.

Формирование отражает процесс отношений воспитателя и воспитанника определенной целостности. В политических отношениях воспитывает все общество. Оно формирует гражданина при субъектной позиции самого воспитанника. Включенность воспитанника в производство характеризует отношения государства и труженика. Эти отношения взаимосвязаны с предметно-содержательной системой общественного разделения труда и динамикой ее обобществления, в которой к труженнику как производителю (потребителю) предъявляются свои воспитывающие требования. Отличительная особенность экономических отношений состоит в том, что в них формируется личность, где роль воспитателя отводится социально-экономическому классу. Формирование специалиста происходит через профессиональные отношения и в коллективе. Коллектив выступает в роли воспитателя. Индивидуальность (персона) формируется в социальной среде (группе) на основе этических отношений.

Развитие, как некоторая качественная ориентированность воспитания, связано с интеграцией воспитателя и воспитанника в речи, памяти, представлениях, восприятиях и ощущениях. В роли воспитателя соответственно выступают: народ, культура, ритуалы, традиции, обычаи. Интеграция воспитанника с народом превращает его в патриота, а с культурой - в знатока. Обогащение памяти представлениями о ритуалах в той или иной предметной деятельности характеризует воспитанника как

умельца. Овладение традициями из жизнедеятельности народа отличает воспитанника как корифея. Погружение воспитанника в обычаи - некогда изначально данной реальности, встроенной в структуру общественного сознания, проявляется в его отношениях уже как мастера.

Одной из обязательных сторон воспитания следует считать социализацию. Она проявляется в «связке»: лидер-ведомый; доброжелатель-соучастник; обворожитель-почитатель; кумир-поклонник; нормотип-подражатель. Это приводит к квантификации и определенным образом осознанию воспитанником своих жизненных целей, интересов, установок, мотивов и потребностей. Они выступают мощным регулятором поведения в зависимости от степени его социализации.

Воспитание в виде структуры в системе общественного разделения труда проявляется как образование. Образование носит дифференцированный характер по видам: социальная, творческая, интеллектуальная, природная (задатки), половая. В каждой из названных дифференциаций образование осуществляют соответственно: учреждения дополнительного образования; высшие и средние специальные учебные заведения; полная средняя общеобразовательная школа; неполная средняя общеобразовательная школа; семья. Социально-ролевой статус воспитанника также меняется: работник, студент, школьник старших классов, школьник младших классов; младенец (девочка, мальчик).

Осмысление воспитания на методологическом уровне позволяет дать достаточно полные ответы на вопросы стратегического плана: «Кто воспитывает?», «Кого воспитывают?», «Чему воспитывают?», «Как воспитывают?», «В каких формах воспитывают?».

Воспитание в современной цивилизации носит государственный характер и направлено на обеспечение нормальной жизнедеятельности как всего сообщества, так и конкретного человека. Именно государство предопределяет субъект, объект, предметность и содержание воспитания.

Базис жизнедеятельности современного государства составляет интеллектуальный способ производства с высокой степенью его возобновляемости в общественном сознании. Идеальный уровень данного возобновления определяется моралью. Реальность возобновления общественного сознания подтверждается нравственностью поведения людей. Необходимый и обязательный уровень возобновления общественно-

го сознания носит субъективный характер, закрепляется в праве, его нормах и ему должны соответствовать силы и средства воспитания (а не только принуждения).

Из разнохарактерности качества сторон воспитания как направлений деятельности следуют его методические особенности. Поэтому на практике в систематизированном виде выделяются методики: обучения; формирования, развития; социализации; образования.

В рамках качества сторон воспитания осуществляется воспроизводство структурных элементов общественного сознания. С ними связаны соответствующие формы воспитательной работы. Элементы общественного сознания в филогенезе возникали в своей естественной последовательности. Этим объясняется, что наиболее эффективной формой воспитания считается игра. Она направлена на воспроизводство ощущений, потребностей и привычки — первично возникших элементов в филогенезе общественного сознания на основе способа жизнедеятельности, когда осуществлялось воспроизводство человека человеком как биологического вида с обязательным использованием примитивных орудий труда для обеспечения своей жизни.

Сущностное осмысление воспитания свидетельствует о сложности и важности данного феномена для выживания конкретного сообщества как государства в современных исторических условиях.

С учетом вышеназванных обстоятельств при совершенствовании правового образования следует учитывать состояние российского воспитания, наличие идеологии и единого управления воспитанием в России, вовлеченность различных поколений россиян в систему воспитания, достаточность затрат финансовых средств на воспитание конкретной личности, способность государства осуществлять воспитание на уровне мировых стандартов в современных условиях.

Карпухин Ю.Г.*

Правовое образование: армия, правоохранительные органы, религиозные движения и безопасность России

Последние годы XX и начала XXI веков охарактеризовались факторами социально-экономических и психолого-правовых преобразований в нашем обществе. Они коснулись всех сфер жизни и безопасности государства. Появилось самостоятельное её направление: религиозная безопасность (помимо информационной, культурной, исторической, этнической и иных её составляющих в общей системе безопасности). Стало очевидным, что система безопасности в том объёме, как она указана в Федеральном законе РФ «О безопасности», нуждается в расширительном толковании, а, значит, и введения в понятийный оборот её новых составляющих видов, в частности, **религиозной**.

Где-то к началу XXI века в мире более одного из 6 млрд. людей причисляли себя к христианству, более 800 млн. человек исповедовали ислам, примерно 250 млн. относили себя к буддистам. Другие религии включают пусть значительно меньше приверженцев в число своих последователей, но по своей значимости они сегодня являются достаточно распространёнными и коснулись иудаизма, конфуцианства, синтоизма и других конфессий¹. Но в тоже время параллельно истинно исторически определённым, а, значит, и законным вероисповедальным направлениям появились и лжерелигии, которые были созданы и направлены против российской государственности, его народа, вековых традиций, нравственности и культуры. Они проявляются в многочисленном количестве и пытаются заменить православие, ислам, буддизм... К их числу, например, можно отнести: «Церковь Иисуса Христа святых последних дней» (Мармоны); «Сахаджа-Йога», «Всемирная церковь Бога», «Белое Братство», «Церковь последнего завета», «Свидетели Иеговы» и другие. Такие образования стали называться сектами, хотя юридического закрепления в каких-либо отраслях права России они не нашли.

* Карпухин Юрий Георгиевич — кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции в отставке, профессор кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин филиала РГГУ в г. Домодедово.

Суть всех сектантских группировок можно охарактеризовать в нескольких словах — это размывание гражданской ответственности; дробление государства на мелкие необоронноспособные «княжества»; отрыв от исторического прошлого (памяти) народов; устранение семьи, как ячейки общества; деградация физического и психического здоровья личности; неправомерное изъятие сырьевых ресурсов страны и частной собственности отдельных граждан; замена моральных ценностей на этические суррогаты².

Таким образом, складывающееся положение стало представлять достаточно очевидную угрозу как для отдельной личности, так и всему нынешнему обществу и государству. Следовательно, можно утверждать, что с ростом религиозности населения возникают две очевидных, требующих научной разработки и правового закрепления проблемы, а именно: что понимать под религиозной опасностью нации? И какие нормативные акты должны регламентировать деятельность субъектов органов государственного управления и религиозных движений с входящими в них негосударственных некоммерческих организаций (общественных объединений) по обеспечению такой безопасности?

Частично, ответы на поставленные вопросы можно найти в Гражданском кодексе РФ, Федеральных Конституционных Законах и Федеральных Законах Российской Федерации: «О безопасности», «Об обороне», «О милиции», «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О Доктрине информационной безопасности Российской Федерации», Указах Президента РФ, Постановлениях Правительства РФ, Приказах Министерства обороны, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел РФ и других нормативных актах. Однако понятия «религиозная секта», «религиозная безопасность» и «правоохранительные органы» нормативно не определены. Такие правовые пробелы (пустоты) оказывают негативное влияние на практику всех правоохранительных органов, и, прежде всего, судебных органов, где сосредоточена одна из ветвей власти по защите конституционных прав и свобод личности и гражданина. Общеизвестно, когда власть государства разделена конституционно на три составляющие — законодательную, исполнительную и судебную, то её удержание невозможно без вооружённой, правовой, экономической и иной защиты со стороны государства от внешней и внутренней агрессии. Это закреплено в Конституции РФ и иных нормативных актах.

Стало очевидным, что в нашем отечестве все поколения россиян, которые были воспитаны в религиозных, культурных и нравственных общечеловеческих ценностях, видят гарантии и формы обеспечения прогрессивных завоеваний, общественной безопасности в реальном обеспечении и предоставлении каждому из них российским законодательством широких конституционных прав и свобод человека и гражданина (гл. 2 Конституции РФ).

Видимо, поэтому так стремительно растет число религиозных движений, общин, вновь построенных, либо восстановленных храмов, монастырей, мечетей и синагог в нашей стране. За последние десять лет в России восстановлено более 12000 только православных храмов, церквей, молельных домов и часовен. Тогда же в местах лишения свободы было открыто более 500 таких религиозных сооружений, помещений, молельных домов и т.п. Если к этому добавить армейские формирования и структуры, то места исполнения православных и иных обрядов вероисповедания значительно расширились. К началу 1990-х гг. существенно повысился интерес к религии в воинских и правоохранительных коллективах. По исследованиям отдельных авторов в Вооруженных Силах, например, более 25% от всей численности личного состава было верующими. По категориям военнослужащих это составляло: среди военнослужащих срочной службы — более 30%; среди курсантов и слушателей высших военно-учебных заведений — около 30%; среди офицерского состава — примерно 15%. При этом 76% от общего числа верующих военнослужащих считали себя православными, 9% — мусульманами, 3% — буддистами, 2% — последователями иных вероисповеданий, а около 10% респондентов не относили себя к какой-либо конфессии³.

К сожалению, привести аналогичные данные, относящихся непосредственно к сотрудникам правоохранительных органов не представляется возможным. Если и возводились либо восстанавливались православные храмы под эгидой МВД РФ, то они касались церквей либо монастырей, которые являлись местами исполнения наказаний в виде лишения свободы. В них стали проводиться церковные службы для осужденных и сотрудников уголовно-исполнительной системы, конвойных, внутренних войск и органов внутренних дел. Лицам, выполняющим воинский долг в подразделениях системы МВД РФ, например, на Кавказе, вообще не представлялось возможным систематически посещать православную службу в церквях, храмах, монастырях,

т.к. в силу выполнения ими гражданского долга или служебных обязанностей места дислокации постоянного пребывания часто менялись, а их причастность к той или иной вере могла проявляться только лишь в ношении церковной символики или исполнении религиозных обрядов вне храмов, церквей и т.д.

Что же послужило таким массовым открытым обращением людей к религии, а затем, следовательно, обоснованием к выделению в качестве самостоятельного вида религиозной безопасности и её правовой регламентации (защите)?

Во-первых, **рост агрессии в обществе, социальной напряженности, безработицы и числа душевных заболеваний.** Если учесть, что даже, по самым скромным подсчетам на сегодняшний день в России нуждается в постоянном социально-медицинском контроле (наркомания, алкоголизм, душевные заболевания) от 2,5 млн. до 12-16 млн. человек, то роль церкви здесь существенна и может быть даже в полной мере ещё недостаточно оценена.

Не менее важным является вопрос о постоянно возрастающей социальной напряженности в обществе. Например, по данным Минтруда РФ на конец 1999 г. в России было более 13 млн безработных (если производить расчет по методике МОТ). По нашим же исследованиям такие цифры значительно выше и они касаются 16-18 млн человек (куда включаются лица, работающие не полный рабочий день, уволенные в отпуск без оплаты, находящиеся на лечении за свой счет и т.д.). В отдельных регионах России в те годы безработные составляли от 64 до 82 % от общего числа трудоспособного населения. Специалисты прослеживают прямую связь роста безработицы с углублением его негативных последствий. Так, повышение уровня безработицы на 1% влечет рост самоубийств — на 4.1%, случаев убийств — на 4%, число заключенных — на 5.7%. Первые случаи ВИЧ-инфекции были зарегистрированы в нашей стране в 1987 году и за это время СПИД унёс более 1300 россиян, а ещё по разным причинам почти 11 тысяч ВИЧ-инфицированных скончались в последнее двадцатилетие. Только за 9 месяцев 2006 года 26 тысяч россиян заразились этим заболеванием.

В 2005-2006 гг. в России было совершено примерно 32000-29000 убийств, самоубийств — 52000-55000. Для конкретного человека, потерявшего работу, жизнь становится опаснее примерно в 14 раз только по этим факторам риска.

Не менее важным является еще одна проблема: с ростом безработицы больше становится лиц с психологическими откло-

нениями, либо страдающими психологическими заболеваниями. Как справедливо замечал А.В. Луначарский статистика явно показывает как в период кризисов, голода, революций, войн и т.д. повышается количество людей, которые оказываются ненормальными; нормальные приближаются к психопатии; полунормальные становятся совсем ненормальными, увеличивается это число ненормальных людей в следствии чисто социальных причин. Если в 1991 г. на планете у 440 млн людей были зарегистрированы клинические формы психического расстройства, у 300 млн – пограничные состояния, то на 2006 г. эта цифра значительно возросла. В России она составила более 15 млн у взрослого населения и более чем 2 млн — у детей. По данным московских психиатров такие дети страдают различными формами душевного недуга. Из каждого несовершеннолетнего 250 из них нуждаются в нервно-психическом лечении; 90 — в амбулаторном наблюдении, 30 – в стационарном лечении.

До 1970 гг. считалось допустимым, если число психических больных в стране не превышает 1% от общего числа населения. Когда количество таких больных в обществе значительно увеличивается, то нации грозит вырождение из-за изменения генофонда, потере интеллекта, а при превышении таких больных на сравнительно ограниченном пространстве до 10-12% от общих числа членов такого коллектива (собранных) он становится неуправляемым. Его существование практически становится невозможно, т.к. это может повлечь социальные потрясения, взрывы общественного сознания, возникновение «эффекта толпы». Другими словами, поведение значительной массы людей становится непредсказуемым, неупорядоченным, непознаваемым, неподчиненным, неустойчивым и непозволительным в соответствии с поставленной целью, которая определяла создание такого коллектива⁴.

Лица, содержащиеся в тюрьмах и иных местах лишения свободы уголовно-исполнительной системы, коллективы воинских либо армейских структур, частей и подразделений – это достаточно концентрированная масса людей на сравнительно небольшом замкнутом пространстве. В таких социальных образованиях резко возрастает психологическая напряженность. Становится очевидной необходимость постоянно проводимого медико-социального контроля лиц в таких группах и систематического психологического воздействия на названные коллективы. Церковь здесь может играть кумулятивную роль.

Не менее важными являются в настоящее время другие проблемы в обществе. Например, рост числа ВИЧ-заболеваний, проституции, насилия, самоубийств. В Вооруженных Силах России они составляют часть от всех случаев гибели военнослужащих. Для таких решений большие надежды возлагаются на священнослужителей, где их опыт и знания психологии, духовный авторитет позволяет удерживать людей от рокового шага, находясь в депрессивном состоянии, экстремальных условиях, в коллективе с низким морально-психологическим климатом.

В этих условиях религия все больше выполняет роль душевного целителя человека. Создалось отдельное самостоятельное медицинское направление – **православная психотерапия**⁵. Это во-вторых.

В-третьих, церковь, монастырские храмы и обители становятся не только приютом для бездомного, но своеобразным **общественным реабилитационным медицинским центром и местом оказания юридической помощи**. В Московском регионе – в Москве — это «Благое дело», Православный наркологический центр (директор — Т.Д. Нолле); Душепопечительский Православный Центр св.прав.Иоанна Кронштадского (духовник и руководитель Центра – иеромонах Анатолий (Берестов), доктор медицинских наук, профессор); «Жизнь», православный медико-просветительский центр (руководитель – иерей Максим Обухов); Информационно-консультативный центр сщмч.Ириней Лионского (руководитель – А.Л. Дворкин); Марфо-Мариинская обитель милосердия (начальница обители – М.Н. Крючкова, духовник – прот.Николай Матвиенко); Московское общество православных врачей (председатель – А.В. Недоступ); «Преодоление», центр медико-социальной помощи наркозависимым детям и подросткам (директор – Ю.В. Ремнёв); Сестричество во имя блгв.царевича Димитрия при храме блгв.царевича Димитрия (старшая сестра – Т.П. Филиппова, духовник – прот. Аркадий Шатов); «Сретение», детско-юношеский центр (ответственный координатор – М.А. Белотёлова); «Старый Свет», христианский общественный благотворительный фонд (председатель правления – Е.Н. Проценко); Центр реабилитации жертв нетрадиционных религий памяти А.С. Хомякова (руководитель – иерей Олег Стеняев); Церковно-общественный совет по биоэтике (председатель – епископ Тихвинский Константин, сопредседатель – прот. Дмитрий Смирнов); Юридическая служба, предприятие (директор – М.Ю. Варьяс). В Московской области — это храм св. Флора и Лавра (Московская область, Домодедовский

р-н, с. Ям), где настоятель отец Валерий (кандидат медицинских наук Ларичев В.П.). В иных регионах России такой деятельностью традиционно занимались и занимаются лица, имеющие помимо духовного сана и мировое признание как учёных в области медицины, психиатрии, педагогики и юриспруденции. Имеются иные аналогичные центры на территории России по оказанию социально-медицинской помощи и поддержки немущим⁶.

В-четвёртых, **возникла необходимость нового организационно-управленческого и правового регулирования отношений между государством, армией, органами правоохраны, религиозными движениями и церковью.** Если обратиться к истокам церкви, то она, церковь, учит, что власть – это организованная сила, которая основывалась и должна основываться впредь на законе и определенных нормах, помимо морали и нравственности⁷. Например, Митрополит Московский и Коломенский Филарет отмечал: «Существует над человеками человеческое правление – и сие ни мало не противоречит тому, что каждый из них имеет, по естеству свободную волю. Равным образом существование сей свободы нимало не противоречит существованию верховного правления Божия над родом человеческим: и над семейством, и над государством. Сие правление Божие не бездейственно от того, что невидимо, и средствами достигать своих целей оно, без сомнения, богаче всякого правления человеческого»⁸.

Известно из истории, что в годы первой мировой войны в зависимости от условий боевой обстановки, характера задач, решаемых русскими войсками, места расположения их части в боевом порядке на священнослужителей возлагались дополнительные обязанности, а именно: когда того требовала обстановка, священник должен был быть на передовом рубеже в цепи наступающих подразделений либо в числе обороняющихся. В частях первого эшелона во время боя священник должен был находиться на перевязочном пункте и уметь делать перевязки раненым. Кроме того, в число их обязанностей входило погребение погибших или умерших воинов с отданием заслуженных почестей, извещение родных о смерти воина, его последней воли и месте погребения, содержание военных кладбищ либо захоронений в подобающем порядке и чистоте.

В сегодняшних условиях выбор форм и методов решения деления священнослужителей различными полномочиями должно признаваться правомерными и законными в зависимо-

сти от исторически складывающихся государственных стратегических и геополитических целей. Допустим, в зависимости от места исполнения своего гражданского долга служителем культа «в горячих точках», при объявлении «чрезвычайного положения» либо введения «особых условий». Обычные обязанности, возложенные на священнослужителей разных конфессий, при изменении правового статуса конкретного региона страны или отдельной её территории, могут расширяться или сокращаться. Они могут проявляться во взаимодействии с Вооружёнными Силами и правоохранительными органами Российской Федерации.

В настоящее время имеется достаточно опробированный опыт взаимодействия между армией, правоохранительными органами и церковью: так, на основании директивы МВД от 20 декабря 1996г., а так же соглашения о сотрудничестве между министерством обороны РФ и Патриархатом Всея Руси Алексием II в Московском патриархате был создан отдел по взаимодействию с Вооружёнными Силами и правоохранительными органами. В епархиальных управлениях назначены священники-координаторы и сотрудничества, а в МВД РФ – Российское православное общество в уголовной исполнительной системе (РПО УИС). Практика такого сотрудничества с религиозными движениями показала целесообразность использования помощи служителем культа различных конфессий в воспитательной работе и создании морально-психологического климата в коллективах, как в самих Вооружённых Силах, правоохранительных органах, так и в воздействии на лиц, с которыми они входят в правоотношения, при выполнении своих должностных обязанностей⁹.

В-пятых, выделилось в качестве самостоятельной отрасли права — **международное гуманитарное право**, включающее в себя так называемое международное право прав человека. Права человека с позиции международного права – это права, существенные для характеристики правового положения лица в любом современном обществе. В итоговом документе Всемирной конференции по правам человека, состоявшейся в Вене в 1993 году, отмечено: «... Хотя значение национальной и религиозной специфики и различий исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, государства несут обязанность, независимо от политических, экономических и культурных систем, поощрять и защищать все права человека и основные свободы».

Помимо права личности, в гуманитарном международном праве в последние годы выделилась отдельная категория права – право народа. Одни права народов уже закреплены в международных документах, другие — требуют разработки и последующего правового оформления. Принятые к настоящему времени международные соглашения, которые содержат систему принципов и норм о правах человека, разделяются на три группы. В первую группу включены международные документы, которые содержат принципы и нормы, касающиеся права человека, преимущественно в условиях мира. Во вторую группу входят международные конвенции о защите прав человека в период вооружённых конфликтов. В третью группу входят международные документы, в которые регламентируется ответственность за преступные нарушения прав человека, как в мирное время, так и в период вооружённых конфликтов. Правда, часть упомянутых документов имеет рекомендательный характер, но значительная — это международные договоры, которые имеют обязывающий характер для их участников. Они закрепляют стандарты в области прав человека. Определен ряд всемирных и региональных международных организаций, занимающийся различными аспектами межгосударственного сотрудничества в области прав человека. В первую очередь, можно назвать ООН, ЮНЕСКО, МОТ; в какой-то степени – это и ФАО, ВОЗ, Совет Европы, ОБСЕ.

Важным документом, регламентирующим вопросы гуманитарного права, применительно к Российской Федерации, является конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, принятой в 1995 году и вступившей в силу в 1998 году. Этот документ, помимо основополагающих Международных пактов об экономических, социальных и культурных правах человека и гражданина основан и на международных обязательствах по правам человека, принятых в рамках ОБСЕ. В данной декларации статья 10 определяет право на свободу мысли, совести и вероисповедания, а статья 14 – право на свободное выражения своего мнения.

Таким образом гуманитарное право, как отрасль международного права, состоит из совокупности принципов и норм, определяющих обязанности участников международного процесса по обеспечению и соблюдению основных прав и свобод человека, включая и вероисповедание, а также прав и свобод народов без дискриминации как в мирное время, так и в период

вооружённых конфликтов, и устанавливающих ответственность на преступное нарушение этих правил¹⁰.

В-шестых, **определились место и роль церковного права в системе иных правовых дисциплин.** Не смотря на то, что церковь отделена от государства, для юристов представляет интерес самостоятельно возникшие и развивающиеся отрасли гражданского, уголовного и иного права, где определяются взаимоотношения между государством, обществом и отдельными его группами по поводу: неправомерного захвата отдельных земель под церковные нужды и погосты; ответственности общественных движений, организаций, объединений и должностных лиц, посягающих на права граждан; уничтожения или повреждения памятников истории и культуры; надругательства над телами умерших и местами их захоронений; организацией экстремистского сообщества либо деятельность экстремистских организаций; нецелевого изъятия имущества в предпринимательской деятельности; нападения на лиц, которые пользуются международной защитой и другие деяния. Конечно, прежде всего, такие отношения регулируются нормами гражданского, уголовного и иных отраслей права Российской Федерации. Однако в последнее время все чаще стали обращаться и к вновь возникшему — **церковному праву** — как самостоятельной отрасли права¹¹.

В-седьмых, помимо общего образования значительное число молодежи стало стремиться получить и специальное религиозное. И совсем неважно как это делается, а именно: в духовных образовательных учреждениях, светских учебных заведениях или заочно, самостоятельно. Возникшее ответвление в педагогике получило название **«Православная педагогика»**; сформировались учебные курсы; выходят учебники, которые написаны либо прорецензированы представителями церкви и специалистами Российской академии образования, издаются справочники религиозных учебных заведений¹².

Духовенство осуществляет нравственное, патриотическое, воинское воспитание определённой части населения. У конкретной группы людей служителями церкви, а именно: в армейском или ином специальном военизированном подразделении, у сотрудников правоохранительных органов, внутренних войск происходит формирование высших моральных и волевых качеств, осуществляется целенаправленное воспитание чувство дружбы, братства в подразделении, уважение к командиру, забота о младших по званию.

Следовательно, можно утверждать, что в современных условиях вопросы взаимоотношения армии, правоохранительных органов, религиозных движений и церкви становятся особенно актуальными. Таким образом используется духовный потенциал религии в целях улучшения морально-психологического климата в названных коллективах.

В-восьмых, появилась отдельная отрасль науки об истории церкви в России — **Церковная историография**. Думается правильно считать, что вне зависимости от занимаемой позиции различных авторов о роли, месте и взаимодействии религиозных движений в системе иных общественных организаций с органами государственного управления в XIX-XXI веках церковная историография стала занимать самостоятельное место в Отечественной истории. В рамках этой науки проводятся научные диссертационные исследования и международные научно-практические конференции, публикуются монографии, пишутся мемуары, издаются журналы, как в России, так и за рубежом¹³.

Следовательно, влияние различных религиозных конфессий на население России, на воинские коллективы, правоохранительные органы России вполне объяснимо и закономерно, т.к. затрагивает материальные правоотношения, духовную жизнь значительного числа населения страны. Этого требует религиозно-церковная (конфессиональная) практика и новое прогрессивное социально-активное религиозное мировоззрение. В этой связи можно считать обоснованным самостоятельным видом безопасности государства — **религиозную безопасность**, которая требует своего научного самостоятельного направления исследования, определения форм и видов ресурсного обеспечения с четко обозначенными субъектами такой деятельности по ее защите, с установлением их функций и правового положения, определений видов взаимодействия религиозных движений различных конфессий с Вооружёнными Силами России, органами государственного управления, включая и правоохраны на Федеральном законодательном уровне России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Армия и общество | Сост. и общ. ред. Чалдымова Н.А. и Черкасенко А.И. – М.: Прогресс, 1990; Богачёв С.В. Армия и церковь: история и современный опыт сотрудничества // Школа духовности, 1999, № 1, с.40-49; Всемирный Русский народный собор. Ш этап: Россия и русские на пороге XXI века, 4-6 декабря 1995 года. - М.: Клуб «Реалисты»; «Роман-газета», 1996 год; Мозговой С.А. Актуальные проблемы взаимоотношений Вооружённых Сил и религиозных организаций России // Ди-Логос: Религия и общество. Альма-

нах. 2000-2001. М.: Культурно-просветительный центр «Духовная Библиотека», 2001, с.173-206; Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. М.: Про-Пресс, 2003, с.96-102; Пчелинцев А.В. Свобода совести и российские Вооружённые Силы // Религия и право. 1998, № 4-5 (7-8) С.21; Пчелинцев А.В. Армия и религия: от конфронтации к диалогу // Армия и общество. М.: Прогресс, 1990, с.191-205; Юскаев Н.Х. Некоторые проблемы обеспечения равенства прав военнослужащих - последователей различных религий // Религия и право. 1998. № 4-5 (7-8). С.27-28 и другие.

2. См.: Архиепископ Лука (Войно – Ясенецкий). - «Сила Моя в немощи совершается» (Духовные беседы). – М.: А.О. «Форма-пресс», 1997; Библиейская энциклопедия. – Репринтное издание. – М.: Terra, 1990; Дворкин А.Л. Сектоведение: Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. - Изд-ние 3-е, перераб. и доп. – Нижний Новгород, Изд-во Братства во имя св. Князя Александра Невского, 2003; Крещение. Венчание. Погребение. Посты. – М.: «БУКМЕН», 1998. (Наша традиция); Мень А.В. Культура, христианство, церковь. - Лекции и беседы. - Нижний Новгород, Изд-во «Нижегородская ярмарка», 1997; Митрополит Иоанн. Русский узел. – Статьи, беседы, обращения. – Санкт-Петербург, Изд-во «Царское дело», 2004; Митрополит Иоанн. Русская симфония: очерки русской историософии; Санкт-Петербург; Изд-во «Царское дело», 2004; Митрополит Сурожский Антоний. Пасторство. - М.: Изд-во Белорусского экзархата, 2005; Негосударственные некоммерческие организации: порядок создания и регистрации. - Практическое руководство. Сборник нормативных документов. – М., Международный институт развития правовой экономики, 1995; Петюкова О.Н. Государственно-конфессиональные отношения и национальная безопасность в Российской Федерации. – В Сб.: «Обеспечение национальной безопасности России (Правовой аспект): Отв.ред. Ю.Е.Винокуров. – М.: Изд-во Моск.гуманит.ун-та, 2006, с.107-117; Полный православный Богословный энциклопедический словарь в 2-х т. – Санкт-Петербург; Изд-во П.П. Сойкина. (Репринтное издание). - М.: Концерн «Возрождение» 1992; Протоиерей Зеньковский В.В. Апологетика. – М.: Лепта – Пресс, 2004. – (Испытание мудростью. Вып. 16); Флоренский П.А., священник. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. /Сост. иегумена Андронника (А.С. Трубачёва); ред. иегумен Андронник (А.С. Трубачёв). – М.: Мысль, 2000 и другие.

3. Богачёв С.В. Армия и церковь: История и современный опыт сотрудничества. // Школа духовности, 1999, № 1, с.40-49; Выжупович Валерий. Священник на взводе. Поможет ли Армии военное духовенство? // Российская газета, 2006, 3 марта, с.14; Колодкин Л., Карпунин Ю. Казарменное хулиганство. // Социальная защита, 1991, № 3, с.16-17; Этика сотрудников правоохранительных органов: Учебник. – М.: Издательство «Щит-М», 2003 и другие.

4. Безумные грани таланта. – Энциклопедия патографий – М.: АСТ-Астрель-Люкс; 2004; Карпунин Ю.Г. Социальная напряжённость и правонарушения. – В сб.: «Информационный бюллетень МВД Туркменской ССР. – Ашхабад, Информационный бюллетень МВД Туркменской ССР, 1990, № 2, с.3-19; Он же. Деликатная тема, или к вопросу о психически больных (статистический аспект). // Вестник статистики, 1992, № 6-7, с.43-45; Он же. Безработица, преступность и органы внутренних дел: реальность, современные проблемы и пути их решения. // Вопросы статистики, 1995, № 12, с.66; Он же. Куда уходят «лишние»? // Милиция, 1996, № 3, с.15-17; Кузьмин С.А. Занятость: стратегия России. – М.: УРСС, 2001; Он же. Социальные системы: развитие и метаморфозы. К вопросу о перспективах переходной экономики России. – РАМ, Ин-т, соц.экон.проблем населения. – М.: Academia, 2006; Лепихов М.И. Конституционно-правовые осно-

вы деятельности Российской Федерации по социальной защите населения. – М.: ГИС, 2005; Митрополит Иерофей Православная психотерапия: Святоотеческий курс врачевания души. – М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004.

5. Авдеев Д.А. Душевные болезни: православный взгляд. – М., Издательский Совет Русской Православной церкви; Издательство «ДАРЬ», 2005; Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий). «Сила Моя в немощи совершается» (Духовные беседы). – Москва, АО «Форма-Пресс», 1997; Еникеева Д.Д. Как и почему пьют бизнесмены, политики и «новые русские». – Д.: Сталкер, 1997. – (Серия «Советы психиатра»); Православная Церковь и современная медицина. (Сборник. Под общей редакцией к.м.н. священника Сергея Филимонова) – Санкт-Петербург.: «Общество Святителя ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО», 2002; Священник Сергей Филимонов. Церковь. Больница. Больной. – Санкт-Петербург.: «Общество святителя ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО», 1999;

6. Иеромонах Анатолий (Берестов). Православие и теософское учение о карме, или кармическая дьяволиада. – М.: Издательство Душепопечительского православного Центра св.прав.Иоанна Кронштадского, 2006; Николаева Т.Е., Сударинов В.А., Чапнин С.В. Православная Москва. Справочник монастырей и храмов. – М.: Издательство братство святителя Тихона, 2001; Православные обители России. Москва. Путеводитель. – М.: Изд-во «Правило веры», 2000; Русская православная Церковь. Храмы. Москва. Энциклопедический справочник. | Под общ.ред.прод. Владимира Силовьева; сост. и авт. А.В.Никольский. – М., : Изд-во Моск.Патриархии: Издательский дом «Российский писатель», 2003; Рудин Л.Г., Кузнецов П.В. Монастыри русской православной церкви. Справочник-путеводитель. Выпуск первый. – М.: Издательство Московской Патриархии, 2001; Священник Сергей Филимонов. Церковь, больница, больной. – Санкт-Петербург.: «Общество Святителя ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО», 1999 и другие.

7. Величко А.М. Церковь. Власть и право. – СПб, Юридический институт, 2005; Володина Н.В. Взаимоотношения государства и религиозных объединений в современном обществе: отечественный и зарубежный опыт. – М.: Академия управления МВД России, 2003; Дозорцев П.Н. Генезис отношений государства, права и церкви: Историко-библиографический аспект. | Под ред. Ю.А.Двирникова. – М.: Манускрипт, 1998; Пчелинцев А.В. Актуальные проблемы совершенствования государственно-религиозных отношений. || Религиозные организации и государства: перспективы взаимодействия: Материалы конференции (Москва, 22-23 февраля, 1999 года). – М.: Рудомино, 1999. С.62-64; Степнов П.П. Древняя Русь: государство и власть. Проблемы морально-этического сознания: Монография. – М.: Социум, 2001 и другие.

8. Филарета Митрополита Московского и Коломенского творения. – М.; Изд-во «Отчий дом», 1994, с. 249.

9. Богачёв С.В. Армия и церковь: история и современный опыт сотрудничества // Школа духовности, 1999, № 1, с.40-49; Куропаткин А.Н. Русская армия | А.Н.Куропаткин. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2003. – (Военно-историческая библиотека); Пчелинцев А.В. Русское армейское и флотское духовенство накануне и в горы Первой мировой войны (опыт религиозно-нравственного и патриотического воспитания) || Религия и национализм: Сб.статей | Сост. А.В.Пчелинцев. М.: Институт религии и права, 2002, С.31-44; Юскаев Н.Х. Из опыта взаимодействия армии и Церкви в некоторых восточно-европейских странах || Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. 1998. № 3-4 (15-16). С.123-130 и другие.

10. Борисов К.Г. Международное право религиозных конфессий мирового сообщества: Учеб.пособие. М. Изд-во РУДН, 2001; Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 14 декабря 2006 г. № 361 Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной регистрационной службой государственной функции по принятию в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, решения о государственной регистрации религиозных организаций и регистрации представительств иностранных религиозных организаций.: || Российская газета, 2006, 31 декабря, с.14; Саидов А.Х. Международное право прав человека: Учебн.пособие | Отв.ред. акад.Б.Н.Топорнин.М.: Академич.прав.ун-т ИГР РАН, 2001; Экономическое право: Хрестоматия. Том 2 | Под общ.ред.В.И.Выдяпина. – СПб. Питер, 2004, с.451-453 и другие.

11. Величко А.М. Церковь. Власть и право. СПб, Юридический институт, 2005; Жигарев Е.С. Личность. Преступность. Религия. – М.: Изд-во «Щит-М», 2004; Негосударственные некоммерческие организации: порядок создания и регистрации. – Практическое руководство. Сборник нормативных документов. – М., Международный институт развития правовой экономики, 1995; Правовые основы религиозной деятельности в России (Сборник нормативных правовых актов) – М.: НБФ «Славянский дом у истоков трех великих рек Волга-Днепр-Западная Двина», 2002; Правое правоведение. – М., ООО «Сибирская Благозвонница», 2005; Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 14 декабря 2006 г. № 361 Об утверждении Административного регламента исполнения Федеральной регистрационной службой государственной функции по принятию в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, решения о государственной регистрации религиозных организаций и регистрации представительств иностранных религиозных организаций.: || Российская газета, 2006, 31 декабря, с.14; Протоиерей Владимир Цыпин Курс церковного права: Учебное пособие. – Клин, «Христианская жизнь», 2004 и другие.

12. Бурлака Д. Проблемы религиозного образования в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга. || Проблемы религиозного образования в России: традиции и новый опыт. | Под ред. С.Ю.Трохачёва. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997, с.11-15; Метлик И.В. Религиоведческая образование старшекласников: современная ситуация и перспективы || Подростки XX века: проблемы и поиски решения. – М.: ИРЛ РАО, 1995; Рязанов Н.Х. Исламские учебные заведения России || Государство, религия, церковь в России и за рубежом: Информационно-аналитический бюллетень РАГС. 2001. № 3 (27). С.77-82; Шестун Евгений, протоиерей. – Православная педагогика. М.: Про-Пресс, 2001.

13. Артамонов Д.С. Северные церковники на службе у царизм. – Архангельское областное издательство 1940; Архивы Кремля. | Подгот. Н.Н. Покровский. В 2-х кн. – Кн.1. – М.: Новосибирск, 1997; Зырянов Н.П. Русские монастыри и монашества в XIX и начале XX века. – М.: Вербум – М, 2002; Ипполитов Г.М. Деникин. – М.: Мол.гвардия, 2000. – (Жизнь замечат.людей; Сер.биогр.; Вып.790); Кокотов А.Н. Русская нация и российская государственность (Конституционно-правовой аспект взаимоотношений): Автореф. дис.д.ю.н. Екатеринбург, Уральская гос.юр.акад., 1995; Куропаткин А.Н. Русская армия | А.Н.Куропаткин. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2003. – (Военно-историческая библиотека); Магомедов А.М, Правовое регулирование религиозных объединений в Республике Дагестан. Автореф. дис.к.ю.н. – М., Российская академ.гос.службы при Президенте РФ, 2002; Митрополит Вениамин (Федченков). Россия между верой и безверием. – М., АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 1003; Одинцов М.И. Русская Правос-

лавная Церковь в XX веке: история, взаимоотношения с государством и обществом. – М.: ЦИНО, 2001; Одинцов М.И. Государство и церковь. / История взаимоотношений. 1917 – 1938 гг./ М. 1991; Петюкова О.Н. Историография правового регулирования взаимоотношений между советским государством и Русской православной церковью в 1920-е годы. - В Сб.: «Национальная безопасность: правовые, социокультурные и экономические основы». Материалы Международной научно-практической конференции, Домодедово, 6-10 февраля 2006 г. – М, РГГУ, 2006, с.254-256; Окороков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920-1945 г.г.) – М: «Русаки», 2001; Окороков А.В. Русская эмиграция. Политические, военно-политические и воинские организации 1920-1999 гг. | А.В.Окороков. – М.: Авуар Консалтинг, 2003; Осипян Б.А. О религиозной происхождении и взаимодействии норм нравственности и права (Часть 1) || Представительная власть- XX1 век: законодательство, комментарии, проблемы | Под общ.ред. А.П.Любимова. – М., 2006. - Вып.6 (72) с.19-22. Петюкова О.Н. Русская православная церковь в российской деревне в 1920-е годы (по материалам губерний центральной России). Автореф. дис к.и.н. – М., МПГУ, 1998; Прот.Александр Киселёв. Облик генерала А.А.Власова (Записки военного священника.) – Второе дополненное издание. - Нью-Йорк. Книгоиздательство «Путь жизни». 1978; Русское возрождение. Независимый русский православный национальный альманах. Памяти протопресвитера Александра Киселёва. – Нью-Йорк. Москва. Париж. 2002, № 81; «Суворов – Великий сын России». – М.: «Триада-Х», 2000; Что нужно всемъ знать о России. – Статистический справочник; Выпуск 1. Составили Л.П. Никифоровъ и С.П. Кавелинъ. – «Трудъ и борьба», 1908 и другие.

Архипов И.Ю.*

Профессиональная подготовка кадров для колоний-поселений

Изменения в политической, экономической, правовой сферах жизни страны не могли не сказаться на деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Современные требования, а также реформирование всей системы УИС требуют наличия у сотрудников и руководящего состава новых знаний и повышенной профессиональной компетенции. Вызов бросает также и общая ситуация в отечественных исправительных учреждениях: большое количество граждан, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, коррупция, оснащённость преступности высокими технологиями и юридическими знаниями. Вот почему сегодня сотрудник уголовно-исполнительной системы, как никогда ранее, должен проявлять бдительность, высокие профессиональные качества и правильно реагировать на происходящие изменения.

В настоящее время современное общество, основанное на принципах либерализма и демократических ценностях, желает видеть в персонале уголовно-исполнительной системы людей с глубоким пониманием гражданского смысла и социальной значимости своей деятельности, прочными духовно-нравственными основами, обладающими высокой культурой поведения.

Также нельзя оставлять без внимания факт существенного изменения социального состава сотрудников. Как показали исследования, проведенные НИИ ФСИН России, сохраняется тенденция омоложения личного состава и увеличения числа сотрудников-женщин. Но в то же время снижается образовательный уровень, ухудшается состояние физического и психического здоровья работников пенитенциарной системы. Изменилась направленность жизненных приоритетов и восприятие таких понятий, как коллективизм и общественная активность.

Все эти факторы заставили руководство Министерства юстиции и Федеральной службы исполнения наказаний обратить внимание на решение проблем организации кадрового обеспечения в целом и воспитательной работы с личным составом в частности. Так как сотрудников для колоний-поселений готовит ФСИН, то мы рассмотрим их в общем ключе изменений в подготовке профессионально-компетентных кадров.

* Архипов Илья Юрьевич – аспирант Российской правовой академии МЮ РФ.

В сфере деятельности Федеральной службы исполнения наказаний, связанной с образовательной политикой, ведется работа по обеспечению собственной научной и учебной базы, ведь в условиях реформирования к сотрудникам УИС предъявляются повышенные требования: формирование нового мышления и профессиональной культуры, обучение современным формам и методам работы. Задачи приведения кадрового потенциала в соответствие с перечисленными выше нормами возложены сегодня на образовательные учреждения, готовящие кадры для УИС, пенитенциарную науку и непосредственно на Управление кадров и профессионального образования ФСИН России. Масштабность происходящих изменений в пенитенциарной системе обусловила повышение необходимости создания системы профессионального образования и высшего профессионального образования. В этой связи в введении Минюста России из 45 учреждений профессионального образования МВД России, за счет которых комплектовались органы и учреждения исполнения наказаний, к УИС отошли: Владимирский юридический институт, Рязанский институт права и экономики с Вологодским, Кировским и Томскими филиалами. Однако сегодня, в период реформы подобное «пополнение» уже не удовлетворяет кадровым потребностям уголовно-исполнительной системы. В целях стабилизации ситуации были образованы Самарский и Псковский юридические институты, Вологодский институт права и экономики, а также открыты филиалы Владимирского юридического института в Иванове, Казани, Липецке, Новокузнецке и средне специальные учебные заведения в Перми, Воронеже, Уссурийске.

На сегодняшний день система профобразования ФСИН России включает в себя: 6 образовательных учреждений с 5 филиалами высшего профессионального образования, 3 средних специальных образовательных учреждения, 2 научно-исследовательских института в Москве и Твери, Санкт-Петербургский институт повышения квалификации работников уголовно-исполнительной системы и 80 учебных центров (пунктов) по начальному профессиональному образованию, переподготовке и повышению квалификации.

Выше названные учебные заведения готовят работников для уголовно-исполнительной системы по следующим специальностям: юриспруденция, экономика и управление на предприятии, автоматизированные системы обработки информации и управления, кинология. Также организована начальная профессиональная подготовка, переподготовка и повышение квалификации

медицинских работников учреждений УИС по различным категориям, читается курс по «новой» для Федеральной службы исполнения наказаний специальности – управление персоналом.

Если говорить о количественном отношении, то в настоящее время в высших и средних учебных заведениях уголовно-исполнительной системы обучается 16,5 тыс. человек — по очной форме; 9,6 тыс. человек — по заочной. В результате проведенного комплекса организационных, штатных, научно-методических мероприятий удалось существенно увеличить выпуск квалифицированных специалистов с 2,4 тыс. человек в 2000 г. до 3,6 тыс. в 2006 г.

Качественное отношение выражено в научном потенциале. Для примера, в образовательных учреждениях уголовно-исполнительной системы трудятся 80 докторов и 397 кандидатов наук, из которых 77 % — на постоянной основе. Среди профессорско-преподавательского состава: Заслуженных деятеля науки — 2, Заслуженных юристов — 2, Заслуженных работников высшей школы — 5¹.

Кроме всего перечисленного, огромную роль играет воспитательная работа с личным составом. В ноябре 2005 года директором ФСИН России утверждена Концепция воспитания работников уголовно-исполнительной системы и план мероприятий по ее реализации на ближайшие пять лет. Задачи предложенной концепции очень четко обозначил директор Федеральной службы исполнения наказаний Ю.И. Калинин на 18-м заседании Руководящей группы по реформированию УИС «Приоритетным направлением в деятельности ФСИН России остается работа с личным составом... Воспитание сотрудников, обеспечение их реальной правовой и социальной защищенности являются определяющими в работе руководителей уголовно-исполнительной системы всех уровней»².

Сегодня объектом внимания в процессе реформирования становится работник УИС, на первый план выходит сам человек, его духовно-нравственные ценности, высокая гражданская позиция, социальное самочувствие, насущные потребности и не для кого не секрет, что без признания его прав на самореализацию в профессиональной деятельности, без «реальной правовой и социальной защищенности» трудно решить проблему подготовки профессиональных кадров как для колоний-поселений, так и УИС в целом.

¹ Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации, № 2/2004 г., стр. 101-102.

** «Преступление и наказание» № 3/2006 г., стр.2

Перминов О.Г.*

Криминологические и иные аспекты подготовки юристов для нефтегазовой отрасли

По многочисленным просьбам руководителей предприятий нефтегазового комплекса в 1991 году в Государственной академии нефти и газа им. И.М. Губкина – ныне Российский государственный университет им. И.М. Губкина была начата подготовка юридических кадров.

Открытие специальности «юриспруденция» в головном вузе нефтегазовой отрасли обусловили происшедшие в стране радикальные изменения в государственно-политическом и социальном-экономическом устройстве.

Переход экономики на рыночные отношения, процессы разгосударствления и приватизации предприятий, появление различных организационно-правовых форм хозяйствования, расширение самостоятельности во внешнеэкономических связях резко увеличили объем договорной, правоприменительной и правозащитной деятельности органов управления. Поэтому не случайно основная специализация студентов-юристов университета – гражданско-правовая.

Вместе с тем, новая политическая и экономическая ситуация предопределила и новую криминогенную обстановку, новые способы совершения преступлений, новые обстоятельства им способствующие. Это прежде всего относится к экономической преступности, волна которой захлестнула практически все сферы хозяйственной деятельности.

В этих условиях одним из приоритетных направлений деятельности государства, его правоохранительных органов, различных юридических служб становится проблема обеспечения безопасности граждан, предприятий, отраслей народного хозяйства, профилактика преступности.

От степени обеспечения безопасности отдельных предприятий и учреждений от преступных посягательств зависит дальнейшее развитие всей нефтегазовой отрасли. Отметим, что в

последние годы отчетливо просматривается тенденция повышенного интереса криминальных структур к предприятиям нефтегазового комплекса в целях отмывания теневых денег, выгодного их размещения, об этом свидетельствует рост насильственных посягательств на имущество, жизнь и здоровье руководящих сотрудников предприятий.

Обеспечение безопасности — системный процесс, основу которого составляют профилактические мероприятия по защите юридических, экономических и производственных отношений, материальных, интеллектуальных и информационных ресурсов и ценностей, а также жизни и здоровья сотрудников этих предприятий от преступных посягательств.

Эффективность профилактической деятельности в системе обеспечения безопасности нефтегазового комплекса возможна лишь в том случае, если она осуществляется всеми структурными подразделениями предприятий и учреждений отрасли, их администрацией и всеми трудовыми коллективами. Без сомнения, что ведущее место в этой деятельности должно принадлежать прежде всего юристам, и не просто юристам, а квалифицированным юристам, способным проводить экспертный анализ (криминологическую экспертизу) действующих и принимаемых нормативных правовых актов, управленческих решений с точки зрения обеспечения безопасности предприятий и организаций нефтегазовой отрасли и профилактики правонарушений и преступлений на этих объектах. Нельзя быть квалифицированным юристом, не зная особенностей современной преступности, ее причин и методов борьбы с ней, не имея достаточно глубоких представлений о личности преступников, о направлениях и путях предупреждения преступлений.

Это означает, что современный юрист должен обладать криминологическим (профилактика прежде всего) мышлением, причем оно должно формироваться в процессе изучения не только криминологии, но при овладении если не всеми, то абсолютным большинством юридических дисциплин. Дело в том, что криминогенные и антикриминогенные ресурсы имеются во всех отраслях права.

Не случайно в последнее время вопросы выявления и изучения обстоятельств, способствующих преступности, противодействия ей и т.п. приобретают межотраслевой характер, поскольку преступность — явление системное, многофункциональное, а существующие закономерности в системе ее

*Перминов Олег Георгиевич — доктор юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина

причин и условий выходят за пределы предмета наук уголовно-правового цикла*.

Происшедшие в России преобразования породили массу противоречий в жизни общества, которые не могли не изменить структуру детерминант преступности. Ряд криминогенных факторов ослабили воздействие, другие, наоборот, усилили свое негативное влияние на состояние преступности. К таковым следует отнести и отрицательные последствия существенного обновления российского законодательства, особенно в экономической сфере, которое шло весьма противоречиво и непоследовательно. Все чаще несовершенство нормативной правовой базы выделяется в качестве самостоятельного фактора, способствующего совершению преступлений**.

Интенсивность и несовершенство нормотворчества привели к постановке и исследованию вопроса о методике проведения криминологической экспертизы нормативных правовых актов различного уровня. Результатом этого стала разработка нескольких проектов Федерального закона «О криминологической экспертизе».

В проекте закона, разработанного НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, под криминологической экспертизой понимается исследование и оценка специалистами — криминологами соответствия проектов законов, иных нормативных правовых актов научно обоснованным требованиям борьбы с преступностью, определение допустимости их принятия или изменения, или реализации с позиции возможного воздействия на преступность, определяющие ее обстоятельства, а также на состояние преступности***.

Полагаем, что принятие указанного закона и его практическая реализация значительно улучшит качество российского законодательства в указанной сфере, явится хорошим средством предупреждения (профилактики) преступности. Здесь уместно вспомнить утверждение Ш. Монтескье о том, что «хороший за-

конодатель не столько заботится о наказании, сколько о предупреждении преступлений»*.

Особенно остро эти вопросы стоят в сфере законодательства, регулирующего экономические, товарно-денежные отношения, большая часть которых регулируется нормами гражданского права**.

Не менее важным, а для предприятий нефтегазовой отрасли в особенности, является необходимость проведения криминологической экспертизы законодательных и иных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

В настоящее время в связи с деградацией окружающей среды необходима нормативная правовая база не только охраняющая окружающую среду, но и способствующая ее оздоровлению.

В подобных случаях при проведении криминологической экспертизы юрист для оценки нормативных правовых актов с более широких позиций должен ставить вопросы о проведении комплексной экспертизы с приглашением необходимых специалистов различных отраслей знаний.

Выполняя свою основную функцию — профилактики преступлений, криминологическая экспертиза способствует тому, чтобы принимаемые законодательные и иные нормативные правовые акты соответствовали фундаментальным основам права. Это важно, поскольку, как отмечают теоретики права, «действующее законодательство России не является системным, оно хаотично»***. Во многих сферах общественных отношений оно противоречиво и непоследовательно. Одни и те же вопросы по-разному регулируются в федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации или же в ведомственных нормативных актах.

Указанные факторы приводят к тому, что нередко юристы, в том числе и судьи, объясняя принятие ими того или иного

* См., например, Ковалев К.В. Изучение криминологических последствий гражданско-правовых актов как важное направление межотраслевых исследований. Актуальные проблемы Российского государства и права. Сб. научных трудов ГАНГ им. И.М. Губкина, М., 1998. С. 47–51; Государство и право. 2002. № 4. С. 90–115.

** Буланков А. Беспредел в кредитно-банковской сфере. Законность. № 7. 1995.

*** Проект Федерального закона «О криминологической экспертизе» с пояснительной запиской. Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 362–391.

* Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 201.

** Экономическая преступность. Сборник научных трудов. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. М., 2000; Сокольский О.Э. Антикриминогенные ресурсы гражданского права. Труды юридического факультета. Выпуск № 2. РГУНГ им. И.М.Губкина М., 2003. С. 111–128.

*** Тихомиров Ю.А. Общая концепция развития российского законодательства. Концепция развития российского законодательства. М., 1998. С. 5.

решения, нормативного правового акта, не во всем соответствующего основным принципам права, заявляют, что они служат государству, а не праву. Немало свидетельств тому, что юристы в своей практической деятельности руководствуются (иногда вынужденно) только лишь интересами, целями, задачами того учреждения или предприятия, которое они обслуживают, игнорируя не только принципы права, но и требования законов.

У этого явления немало причин, в том числе и вузовская подготовка, не сумевшая привить будущим специалистам фундаментальные основы права, юридическую этику.

Приходится констатировать, что для того, чтобы подготовить нормативный правовой акт, соответствующий основополагающим положениям и принципам права, а затем его и реализовать, юристы должны быть не только высококвалифицированными специалистами, но и обладать такими качествами, как мужество, честность, принципиальность и т.п. «Корпоративная мораль», «ведомственные интересы, цели, задачи» и т.п. делают в этой сфере свое «черное дело». Однако следует всегда помнить и понимать, что указанные категории изменчивы, нередко они противоречат целям, задачам и интересам государства и общества, носят криминальный характер. Фундаментальные же положения и принципы права — незыблемы, они служат интересам общества.

Как уже отмечалось, высшее профессиональное образование призвано не только давать знания, но и воспитывать, при этом воспитание должно быть в долгосрочной перспективе. В отношении юристов это прежде всего подготовка специалистов, преданных идеям и ценностям правового государства и общества, способных активно нести их в общество, своей деятельностью претворять в жизнь.

Высокая гражданская и политическая значимость профессии юриста в современном обществе определяет особое отношение к его подготовке, к формированию его личности. Желание стать юристом и успешная сдача вступительных экзаменов — есть необходимые, но не всегда достаточные условия для подготовки высококвалифицированного специалиста.

Общие требования к юристу (модель) закреплены государственным образовательным стандартом по специальности «юриспруденция». Общеизвестно, что вузовское образование призвано не только давать знания, прививать умения и навыки к будущей работе, но и воспитывать высокосознательную личность.

Для успешного обучения и последующего выполнения сложных и многогранных функций, будущий юрист должен обладать необходимыми психофизиологическими и характерологическими качествами. К их числу можно отнести: **1)** достаточно высокий уровень общей культуры; **2)** высокоразвитое чувство ответственности и воли; **3)** высокую эмоциональную устойчивость, в том числе способность выносить нервно-психологические и физические нагрузки; **4)** хорошую память; **5)** логическое и абстрактное мышление; **6)** наблюдательность; **7)** особенность к концентрации, переключаемость внимания и целый ряд других.

Игнорирование этих качеств при приеме кандидатов на обучение может привести к тому, что часть из них не сможет освоить учебный план или окажется в дальнейшем непригодным для работы по специальности.

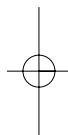
К сожалению, опыт свидетельствует о том, что обучающиеся на факультете студенты не всегда отвечают указанным требованиям, что оборачивается не только трудностями работы с ними, но и их личными драмами.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что необходимо совершенствовать систему отбора студентов по специальности «юриспруденция», ибо выпуск подлинных специалистов своего дела обеспечивается не только наличием высококвалифицированного преподавательского состава и необходимой материально-технической базой для организации учебного процесса, но и тем составом студентов, которых мы обучаем.

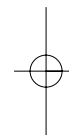
Независимый экспертно-правовой совет

**Материалы научной конференции
«Современное юридическое образование»**

*Российский государственный
университет нефти и газа им. И.М. Губкина.
Москва, 17 октября 2006 г.*

**Подписано в печать
с готового оригинал-макета 24.03.2008
Формат 60x90/60. Бумага офсетная. Гарнитура «Univers»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 5. Тираж 300 экз.
Распространяется бесплатно.**

**Редактор серии Парамонов А.А
Корректор Сокольская К.О.
Компьютерная верстка Мичурина В.П.
Художественное оформление Мичурина В.П.**